

П. А. ЛАВРОВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

I. ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ П. А. ЛАВРОВА И Г. З. ЕЛИСЕЕВА

Вступительная статья и комментарии Ф. Витязева

I

Переписка между П. А. Лавровым и Г. З. Елисеевым несомненно представляет большой общественный и литературный интерес. Объясняется это прежде всего той крупной ролью, какую играли сами корреспонденты. Елисеев, например, свыше 20 лет занимал одно из первых мест в русской журналистике. Редактор «Современника» и «Отечественных Записок», ближайший помощник сначала Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, а затем Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова — Елисеев не мог не быть одной из центральных фигур в нашей литературе 60-х и 70-х годов. В свою очередь, П. А. Лавров являлся после А. И. Герцена крупнейшим русским эмигрантом. На протяжении 30 лет он был одним из самых видных представителей русской революционной нелегальной печати. Уже одно простое сопоставление этих двух имен сразу наводит на мысль о большой общественной значимости их переписки.

Значение ее усугубляется еще тем обстоятельством, что в нашей биографической литературе почти совсем не разработан вопрос о взаимоотношениях Лаврова и Елисеева. В этой области мы знаем очень немногое. Нам известно только, что они были в очень дружеских отношениях, что эта дружба началась еще в 60-х годах, что через Елисеева осуществлялось главным образом сотрудничество Лаврова в «Отечественных Записках», что, наконец, Елисеев довольно часто имел свидания с Лавровым во время своих летних поездок за границу. Но нам совершенно неизвестна вся закулисная сторона сотрудничества Лаврова в «Отечественных Записках». Мы ничего не знаем о характере их взаимоотношений во время заграничных свиданий. Целый ряд крайне любопытных моментов, относящихся к этим заграничным встречам, до сих пор еще не освещен. Так например, совершенно не выяснены отношения Елисеева к журналу «Вперед», к «Вестнику Народной Воли», и к целому ряду индивидуальных выступлений Лаврова. Все эти вопросы за отсутствием документированного материала в настоящее время вряд ли могут быть освещены с надлежащей полнотой.

Публикуемая нами переписка до некоторой степени приоткрывает завесу над взаимоотношениями Лаврова и Елисеева. Она несомненно дает целый ряд новых и притом крайне любопытных материалов для их характеристики. Биографические же моменты, освещаемые настоящей перепиской, настолько значительны и интересны, что на них необходимо остановиться несколько подробнее.

II

Три первых письма относятся к сотрудничеству Лаврова в «Отечественных Записках» и имеют большое значение для истории этого журнала. Они прежде всего документально подтверждают, что сотрудничество Лаврова в этом журнале осуществлялось главным образом через Елисеева. Повидимому, Елисеев был единственным членом редакции «Отечественных Записок», который всецело взял на себя риск по переписке и сношению с Лавровым. Два других члена редакции — Н. А. Некрасов и М. Е.

Салтыков, как известно, менее всего были склонны поддерживать личные сношения с эмигрантами и в частности с Лавровым.

Из этих писем особенно интересно второе письмо, посвященное конфликту между Лавровым и «Отечественными Записками». Этот печальный инцидент произошел исключительно из-за задержки журналом следуемого Лаврову гонорара. Как видно из письма Елисеева, здесь менее всего была виновата редакция «Отечественных Записок». Инцидент возник из-за ненормальности сношений с Лавровым. Как известно, все расчеты его с редакцией по конспиративным соображениям происходили через разных «подставных» лиц. В этом отношении Лавров действовал чрезвычайно широко и был может даже не совсем осторожен. Во всяком случае число его «посредников» дошло, по свидетельству Елисеева, чуть ли не до «десяти человек». Уже одно это обстоятельство могло спутать все расчеты с редакцией. С другой стороны, вопрос еще осложнялся трудностью почтовых сношений с Лавровым в 1870—1871 гг. Франко-прусская война, события Парижской коммуны, внезапные переезды Лаврова из Парижа в Брюссель и Лондон — все это вместе взятое еще больше усугубило создавшееся положение. Между тем, для Лаврова своевременное получение гонорара имело очень большое значение в связи с тяжелым материальным положением, в каком он находился в первые годы своей эмиграции.

Создавшаяся конъюнктура не могла не явиться источником для целого ряда недоразумений, не могла не создать взаимного непонимания. Лавров, например, совершенно серьезно считал, что редакция «Отечественных Записок» сознательно идет на разрыв с ним. Об этом он определенно заявил в своем письме Е. А. Штакеншнейдер от 6/18 августа за 1871 г. «Порядочные люди (в лице «Отечественных Записок»), — писал он ей, — разрывают всякие сношения со мною или не заботятся об их поддержании (см. «Голос Минувшего» 1916 г., № 7—8, стр. 129). Именно это обстоятельство заставляло даже Лаврова, «махнув рукой на щепетильность», начать работу в журнал «Дело», к которому он до сего времени «относился не очень сочувственно». К началу 1872 г. ненормальные отношения Лаврова с «Отечественными Записками» зашли уже так далеко, что он решает на окончательный разрыв с ними. «Я считаю мои сношения с этой редакцией оконченными, — пишет, например, Лавров Е. А. Штакеншнейдер 8 января 1872 г., — не думаю, чтобы они обокрали меня, но нахожу их весьма невнимательными и неаккуратными» (см. «Голос Минувшего» 1916 г., № 9 стр. 115).

После всего сказанного становится ясным, что письмо Елисеева было написано Лаврову в наиболее острый момент конфликта, в то время, когда уход последнего из «Отечественных Записок» был уже почти предрешен. Это обстоятельство особенно усиливает значение печатаемого нами письма. И мы видим, что все оно проникнуто глубокой искренней доброжелательностью Елисеева к Лаврову. Как руководитель «Отечественных Записок» он определенно хочет, чтобы Лавров продолжал сотрудничество в этом журнале, при чем заявляет об этом в ясной и решительной форме. «Относительно ваших трудов в журнале, — пишет он ему, — могу повторить Вам то же, что говорил прежде, что я их очень желаю». Касаясь затем первой работы Лаврова в «Деле» — «История городского и сельского устройства в Западной Европе» (см. «Дело» 1871 г., №№ 10 и 12), которой Лавров дебютировал в этом журнале, Елисеев в заключение пишет, — «такие статьи мы принимали бы от вас с удовольствием». В этой фразе Елисеева чувствуется не только вполне определенный упрек Лаврову. Здесь еще более ясно сквозит сожаление, что подобная удачная работа Лаврова пошла не в «Отечественные Записки», а к Г. Е. Благовестову.

Повидимому, Елисеев, как редактор «Отечественных Записок», определенно дорожит сотрудничеством Лаврова. Это подтверждается, между прочим, той высокой оценкой Лаврова, как писателя, какую мы встречаем в его письмах. Оценка эта настолько любопытна, что на ней необходимо остановиться несколько подробнее.

Лавров, например, предлагает «Отечественным Запискам» ряд корреспонденций по европейской литературе и жизни и даже присылает одну в виде образца. Елисеев не только не отказывается от них, но дает им очень лестную оценку. «Очевидно, — пише

он Лаврову, — в этом роде Вы мастера» (см. письмо № 1 за 1870 г., май). Он только предлагает сделать их «более солидными» и основательными. По его мнению, «образцом» в этом отношении может служить статья Лаврова же о Лекки, которая «вполне соответствует требованиям редакции» (см. Современные учения о нравственности и ее история. «Отечественные Записки», 1870 г., №№ 3, 4, 5, 6, 8). Здесь с особой силой сказалась редакционная чуткость Елисеева. Как известно, эта работа Лаврова имела огромный успех среди молодежи. В течение двух десятков лет она неизменно переписывалась и распространялась среди революционных народнических и народовольческих кружков. И недаром даже М. Горький в дни своей юности занимался конспектированием именно этой статьи Лаврова (см. «Былое», 1921 г. № 16, стр. 177). В другом письме Елисеева (см. письмо № 2 за 1872 г., январь) мы встречаем очень интересную оценку известной работы Лаврова «История городского и сельского устройства в Западной Европе». «Статья мне очень понравилась, — пишет он. — Она написана так спокойно и вместе с тем так общеинтересно, что и для цензуры неуязвима и будет читаться публичкой». Приведенные нами отзывы Елисеева вполне определенно показывают как близок был для него весь писательский облик Лаврова.

Насколько высоко Елисеев ставил Лаврова как писателя, видно еще и из другого очень характерного факта. Мы имеем в виду «программу» для русской литературы, которую Елисеев предложил написать Лаврову (см. письмо № 2 за 1872 г., январь). Подобная чисто редакционная статья могла быть поручена только весьма близкому к журналу писателю. Очевидно, для Елисеева Лавров и был таким сотрудником. Любопытно здесь еще отметить, что это предложение Елисеев сделал Лаврову в самый разгар конфликта, когда последний уже собирался навсегда покинуть «Отечественные Записки».

Письма Елисеева, относящиеся к сотрудничеству Лаврова в «Отечественных Записках», заключает в себе еще не мало отдельных крайне интересных моментов и деталей. Так, например, совершенно неизвестно было до сих пор посредничество между Лавровым и «Отечественными Записками» проф. М. М. Ковалевского (см. письмо № 3 за 1880 г., от 21/X). Не безынтересно для характеристики Елисеева также его предложение быть «кассиром» Лаврова в то время, когда последний находился еще в ссылке в г. Кадникове Вологодской губернии (см. письмо № 2 за 1872 г., январь). Штрих для оценки личности Елисеева в высшей степени яркий и характерный. Он говорит не только об его дружеской симпатии к Лаврову, но свидетельствует также и о его большой смелости.

В заключение, необходимо особо отметить то место письма Елисеева, где он говорит о предстоящем своем личном свидании с Лавровым за границей. Этому свиданию Елисеев, как известно, придавал особое значение, так как надеялся в личной беседе с Лавровым выяснить все недоразумения. «Очень может быть, — пишет он ему, — что летом ныне мы увидимся, поговорим и явось споемся. Тогда огорчения исчезнут и порядочность мы поймем одинаково, и друг в друге сомневаться не будем» (см. письмо № 2 за 1872 г., январь). Повидимому это свидание дало вполне положительные результаты, так как Лавров остался в числе сотрудников «Отечественных Записок». Здесь надо вообще заметить, что если Лавров не порвал окончательно связей с «Отечественными Записками», то это произошло исключительно благодаря Елисееву. Из неопубликованного письма его от 28 февраля за 1872 г. видно, например, что он «для прекращения недоразумений» предложил даже редакции «Отечественных Записок» уплатить Лаврову 400 рублей. Этот решительный шаг Елисеева, с одной стороны, и личное заграничное свидание его с Лавровым, с другой, дали возможность мирно изжить конфликт, возникший между Лавровым и «Отечественными Записками».

III

Последняя группа писем Елисеева относится к моменту его болезни, когда он уже отошел от фактического участия в «Отечественных Записках» и по предписанию врачей вынужден был жить за границей. Этот период добровольной эмиграции Елисеева продолжался целых 4 года, с августа 1881 г. по август 1885 г.

Надо признать, что письма Елисеева за этот период представляют наибольший интерес. Они рисуют личность Елисеева в совершенно новом аспекте, выявляя в нем живой интерес к русскому революционному движению. В этом отношении особенно значительно письмо Елисеева из Ниццы от 9 января за 1882 г. В нем, например, Елисеев прежде всего спрашивает Лаврова о деятельности «Народной Воли»: «какие в сей лаборатории идут работы?» Мало того, он даже просит его прислать ему «подпольных зарубежных листков». Повидимому, длительное пребывание Елисеева за границей не прошло для него бесследно. Оно вполне естественно вызвало у него интерес к деятельности русской революционной эмиграции. Возможно, что здесь еще сказались и влияние Лаврова, с которым Елисеев в эти годы поддерживал особо дружеские отношения.

Есть еще одна особенность в личности Елисеева, на которую нельзя не обратить внимания в связи с вышесказанным. Мы имеем в виду его обширные знакомства с революционной средой. Из публикуемого нами письма Лаврова от 26 января за 1882 г. мы видим, например, что Елисеев был знаком с эмигрантом С. А. Подолинским, ближайшим помощником Лаврова по изданию журнала «Вперед». Но это знакомство являлось далеко не единичным. Елисеев был очень близок с революционерами шестидесятниками: И. А. Худяковым и М. Ф. Негрескулом. Из «лавривстов» он прекрасно знал — В. Н. Смирнова, Р. Х. Идельсон, Н. Г. Кулябко-Коредкого и упомянутого выше С. А. Подолинского. Из народолюбцев он особенно дружил с Л. К. Бухом и М. Н. Емельяновой и был даже знаком с В. Н. Фигнер. Если ко всему этому прибавить еще его дружеские отношения с Лавровым, то мы получим крайне любопытный круг его личных связей. Как видим, в этом отношении Елисеев шел куда дальше М. Е. Салтыкова который, как известно, сознательно стоял в стороне от личного общения с этой средой.

Но самым интересным местом во всей переписке Елисеева с Лавровым надо считать те его письма, в которых идет речь об издании за границей «Автобиографии» И. А. Худякова. Эпизод этот настолько важен для будущих биографов Елисеева, что на нем необходимо остановиться несколько подробнее.

Есть очень веские основания полагать, что саму рукопись Худякова привез Лаврову Елисеев, к которому она попала из Сибири, где у Елисеева, как известно, были обширные связи и знакомства. Из писем Елисеева ясно видна какая-то его заинтересованность в этом издании, особое внимание к нему. Так, например, Елисеев очень заботится о внешности издания. Его интересуют и шрифт и печать и даже типографская краска (см. письмо № 6 за 1882 г., от 10 июня). В другом письме Елисеев благодарит Лаврова «за уведомление о ходе издания» и очень радуется, что оно «идет к благополучному концу» (см. письмо № 8 за 1882 г., от 9/21 сентября). Там может писать только человек заинтересованный в самом издании.

По всей вероятности Елисеев не только привез рукопись Худякова за границу, но и дал средства на ее издание. Это предположение станет вполне понятным, если учесть особые отношения Елисеева к Худякову. Елисеев хорошо знал его еще гимназистом по г. Тобольску, в 1857 г., также как знал всю его семью. Впоследствии, уже в Петербурге Елисеев особенно «привязался» к нему. Молодой, талантливейший исследователь русской народной жизни, собиратель фольклора не мог не привлечь к себе симпатий такого народника, каким был Елисеев. Между ними, несмотря на разницу лет, возникли очень дружеские отношения. Об этом вполне определенно говорит сам Елисеев в своих воспоминаниях, приведенных Михайловским, которые, между прочим, почему-то не вошли в книгу «Шестидесятые годы» (изд. Academia, М.—Л., 1933 г.). Худяков, — пишет к ним Елисеев, — был «очень ко мне близкий человек, хорошо меня знавший, к которому я был очень привязан, равно как и он ко мне» (см. Н. К. Михайловский, «Литературные воспоминания и современная смута», т. I, СПб., 1900 г., стр. 480). Арестованный по делу Каракозова, Худяков, между прочим, очень сильно оговорил Елисеева. К чести Елисеева надо сказать, что этот крайне прискорбный факт ничуть не изменил его отношений к Худякову. Он сохранил к нему те же дружеские чувства и любовь, какие питал раньше. Суровое наказание, понесенное Худяковым и преждевременная трагическая его смерть не могли не усугубить этих чувств у Елисеева.

После всего сказанного станет вполне понятным, почему Елисеев мог принять на себя издание «Автобиографии» Худякова. Не надо забывать, что Елисеев обладал довольно солидными денежными средствами, приобретенными, правда, исключительно литературным трудом. Достаточно здесь напомнить хотя бы тот факт, что Елисеев после смерти оставил Литературному фонду капитал в 54 000 рублей (см. «Юбилейный сборник Литературного фонда». СПб, 1909 г., стр. 24 и 478). Во всяком случае, публикуемые нами письма с несомненностью выясняют факт участия Елисеева совместно с Лавровым в издании и редактировании запрещенной заграничной книжки. Штрих для редактора «Отечественных Записок» довольно яркий и характерный.

Письма Елисеева, относящиеся к изданию «Автобиографии» Худякова, имеют еще другое очень важное значение. Благодаря им вскрывается происхождение одного очень ценного литературного документа. Мы имеем в виду статью Елисеева о Н. А. Некрасове. Как теперь видно, статья эта являлась не более не менее как примечанием к книжке И. А. Худякова в ответ на резкие нападки на Некрасова в связи с его стихами, посвященными генералу М. Н. Муравьеву (см. письмо № 7 за 1882 г., от 9 августа). По словам самого Елисеева у него «вместо извинения» получилось «полное оправдание Некрасову», вернее даже его «апология», как выразился Н. К. Михайловский. Именно это обстоятельство заставило Лаврова отказаться от напечатания статьи Елисеева и она на долгие годы оказалась погребенной в его архиве. Предназначенная для вольной зарубежной печати заметка эта, как и следовало ожидать, оказалась глубоко цензурной. Это обстоятельство доставило впоследствии не мало хлопот русским критикам.

Впервые в русской литературе заметку Елисеева использовал Н. К. Михайловский в 1891 г. Приведя из нее большую цитату, Михайловский должен был «с сожалением» констатировать, что она по цензурным условиям «не подлежит опубликованию» (см. Н. К. Михайловский «Литературные воспоминания» т. I, СПб, 1900 г., стр. 75—76). Действительно, «нецензурность» эта оказалась настолько сильной, что даже 20 лет спустя П. Ф. Якубович не смог напечатать заметку Елисеева полностью (см. его статью — Муза мести и печали, «Русское Богатство», 1902 г., № 11, стр. 39—42). Статья Елисеева увидела, наконец, свет только после революции, т. е. ровно через 50 лет после того, как была написана (см. «Шестидесятые годы» Г. З. Елисеев. Воспоминания. Изд. «Академия», 1933 г., стр. 460—467. Глава — «О личности Некрасова»). Но ни Н. К. Михайловский, ни П. Ф. Якубович, ни редакторы книжки «Шестидесятые годы» не знали подлинного источника этой «нецензурности». Никто из них даже не подозревал, что статья эта была написана за границей и предназначалась Елисеевым для нелегального издания.

Подводя итоги всему сказанному нами по поводу переписки Елисеева с Лавровым, мы должны признать, что она в целом является документацией первостепенной важности и ценности для будущих биографов этих двух крупнейших деятелей нашей журналистики.

1. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

[Май 1870 г. С. Петербург]¹

Милостивый государь

Павел Сидорович

Я получил Ваше письмо, в котором вы предлагаете писать корреспонденции по европейской литературе и жизни для О[течественных] З[аписок], с приложением для образца одной такой корреспонденции². Не знаю, что отвечать Вам на Ваше письмо. Отказаться от Ваших корреспонденций мне бы не хотелось, потому что присланная Вами корреспонденция настолько хороша, что дает мне основание думать, что последующие корреспонденции в этом роде будут если не лучше этой, то не менее удовлетворительны. Очевидно, в этом роде Вы мастер.

Но этот летучий, так сказать, способ обозрения иностранной литературы не столько нужен для нашего журнала, сколько нужен был другой более солидный, который бы знакомил русскую публику с содержанием более замечательных иностранных сочинений. Образец подобного обозрения иностранной литературы Вы можете видеть в статье, помещенной в „Отечеств[енных] Записках“ в Мартовской Апрельской книжках: Нравственные учения в Европе по поводу сочинений Лекки³. Статья эта вполне соответствует требованиям журнала и упрекнуть ее можно разве только в том, что она очень длинна и растягивается на несколько книжек. Если бы она была не более 2—3 печатных листов, то была бы самая подходящая. Не можете ли Вы попробовать себя в писании такого рода [обозрений] иностранных обозрений? Если можете, то мы будем очень рады. Само собой разумеется, что за книги, которые Вы будете покупать для этих обозрений, мы будем охотно платить. Книги для таких обозрений должны быть избираемы такого содержания, которое было бы доступно и интересно для русской публики.

При этом мы не отказываемся и от Ваших летучих корреспонденций. Но желали бы, чтобы Вы ими повременили до осени. Вам, как человеку, быть может, мало знакомому с журнальным делом, может показаться такой полу-отказ странным. Но мы основываемся на редакционных расчетах. Чтобы ввести новый отдел, сохраняя в журнале то же количество листов, нужно привести в должные размеры существующие отделы другие, для которых есть и люди и работы, — а на все это требуется известное время. — Желательно бы было еще, чтобы Вы Ваши корреспонденции писали четким, однообразным почерком, без пестрот, затрудняющих типографию. Впрочем в этом отношен[ии] почерк вашей корреспонденции почти что удовлетворителен.

Извините пожалуй[и]ста, что не зная Вашего отчества, я взвеличал Вас по фамилии Вашей, полагая, что Вы потому не написали отчества, что оно одинако[во] с фамилией. Если я ошибся, то будьте так любезны исправьте мою ошибку напередки⁴.

Примите уверение в совершенном почтении

Гр. Елисеев

Подательница сего письма г-жа Маркович, Мария Александровна, известная в литературе под именем Марко Вовчок. Ей вы можете сообщать для передачи мне все, что Вам будет нужно о Ваших трудах.¹

¹ Письмо без обозначения даты. Она определяется нами на основании ссылки Елисеева на статью Лаврова о Лекки. Повидимому, письмо написано в мае месяце 1870 г. Во-первых, Елисеев сам говорит об апрельской книжке «Отечественных Записок». Во-вторых, Елисеев просит Лаврова «повременить до осени» с присылкой «летучих корреспонденций». Следовательно, письмо могло быть написано после апреля, и в то же время раньше осенних месяцев. Но так как Елисеев на летние месяцы обычно уезжал за границу, то ясно, что он мог написать это деловое редакционное письмо только в мае. Конспиративное обращение, с которого начинается это письмо, только подтверждает предположение, что оно написано в России, а не за границей.

² Корреспонденция эта была напечатана в «Отечественных Записках» за 1870 г. (см. № 8, стр. 230—240) под заглавием «Очерки иностранной литературы и жизни». Под статьей этой нет никакой подписи. Авторство Лаврова было установлено мною еще в 1917 г. на основании заключительной фразы этой статьи, в которой был обещан разбор книги Тэна. Критический разбор Тэна, принадлежащий Лаврову, под заглавием «Наука психических явлений и их философия» действительно появился в «Отечественных Записках» за 1871 г. (см. № 3, стр. 36—86).

³ Елисеев не точно передает заглавие статьи. В «Отечественных Записках» за 1870 г. в №№ 3 и 4 и затем дальше в №№ 5, 6 и 8 была напечатана работа П. Л. Лаврова под заглавием «Современные учения о нравственности и ее история». Работа напечатана без всякой подписи и написана по поводу книги Лекки — «History of European morals from Augustus to Charlemagne». Ее и имеет в виду Елисеев в своем письме.

⁴ В первые годы своей эмиграции в Париже в 1870—1872 гг. Лавров просил своих друзей, находящихся в России, всю корреспонденцию адресовать на имя П. Сидорова. Под этой фамилией он жил некоторое время в Париже (см. Письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер, «Голос Минувшего», 1916 г., № 7—8, стр. 111, 131 и № 9, стр. 132). Это и дало повод Елисееву из-за конспиративных соображений окрестить Лаврова «Павлом Сидоровичем».

⁵ Мария Александровна Марко-Вовчок (1835—1907 гг.) — известная в 60-х и 70-х гг. писательница и переводчица, деятельная сотрудница «Отечественных Записок». Она была близким человеком для Г. З. Елисеева и особенно дружила с его женой — Екатериной Павловной (см. Е. Водовозова-Семевская, «Житейские невзгоды» — «Голос Минувшего» 1923 г., № 1, стр. 67—69). В начале 70-х годов М. А. Марко-Вовчок была посредницей между П. Л. Лавровым и редакцией «Отечественных Записок» (см. об этом подробно в «Материалах для биографии П. Л. Лаврова». Вып. I, Петроград, 1921 г., стр. 40—43. Там же напечатано письмо Лаврова к М. Марко-Вовчок). Ее имя очень часто встречается в переписке Лаврова с Е. А. Штакеншнейдер (см. «Голос Минувшего» 1916 г., № 7—8, стр. 125, 126—127, 130, 131; № 9, стр. 119, 121).

2. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

[Январь 1872 г. С.-Петербург] ¹

Я долго не отвечал на ваше письмо, потому что все это время был очень болен; недавно сделана небольшая операция и теперь я начал поправляться. — По вашему главному делу отвечать впрочем и теперь нечего. Ибо окончательно счета все еще не сведены и надобно потерпеть. Главную разницу в счетах между Вами и редакцией делает, кажется, то, что по книгам к концу февраля 1870 года за Вами значится долгу 900 р. Через две недели мне обещали дать окончательный вполне выверенный ответ по счетам, который я Вам и сообщу.

Относительно ваших трудов в [редак.] журнале могу повторить Вам тоже, что говорил и прежде, что я их очень желаю. Но вместе с тем должен сказать Вам, что относительно цензуры времена стоят ныне такие строгие, каких никогда не бывало. Как кажется, полагается начало новой системе наблюдения над печатью. Не будет прежних беспричинных, случайных, начинавшихся *ex abrupto* преследований и затем следовавших за ними таких же беспричинных, случайных послаблений, но на основании известных принципов наблюдение будет всегда одинако неизменно, ровно, твердо, одним словом, мы хотим быть немцами. Так как в сем наилучшем из миров все идет к лучшему, по словам Понглосса, то, конечно, и этот несомненный шаг вперед есть также шаг к лучшему. В начале будет несколько тяжеловато, но потом люди ко всему привыкают. Ergo... Но мы все-таки только в начале... Недавно я прочел в „Деле“ статью: Городское и сельское хозяйство, написанную по Мауреру и другим². Говорят: это ваша статья, и мне так кажется. Как бы то ни было статья мне очень понравилась, во 1-х, проспект ее доходит до основ настоящего времени, — во 2-х, она написана так спокойно и вместе с тем так общеинтересно, что и для цензуры неуязвима и будет читаться публикой. Такие статьи мы принимали бы от Вас с удовольствием. — Вы пишете, чтобы вам назначать темы для статей. Это вещь невозможная по многим причинам. Можно только обозначить характер цензурных условий данного времени и характер статей. Затем и цели, преследуемые журналом Вам известны. Чего же больше? А если уж нужно непременно назвать род, то мне кажется, что было бы полезно в критических ли то или других статьях знакомить нашу публику с иностранными историческими, социальными и т. п. сочинениями, которые могут отражать в ее сознании наши общественные отношения.

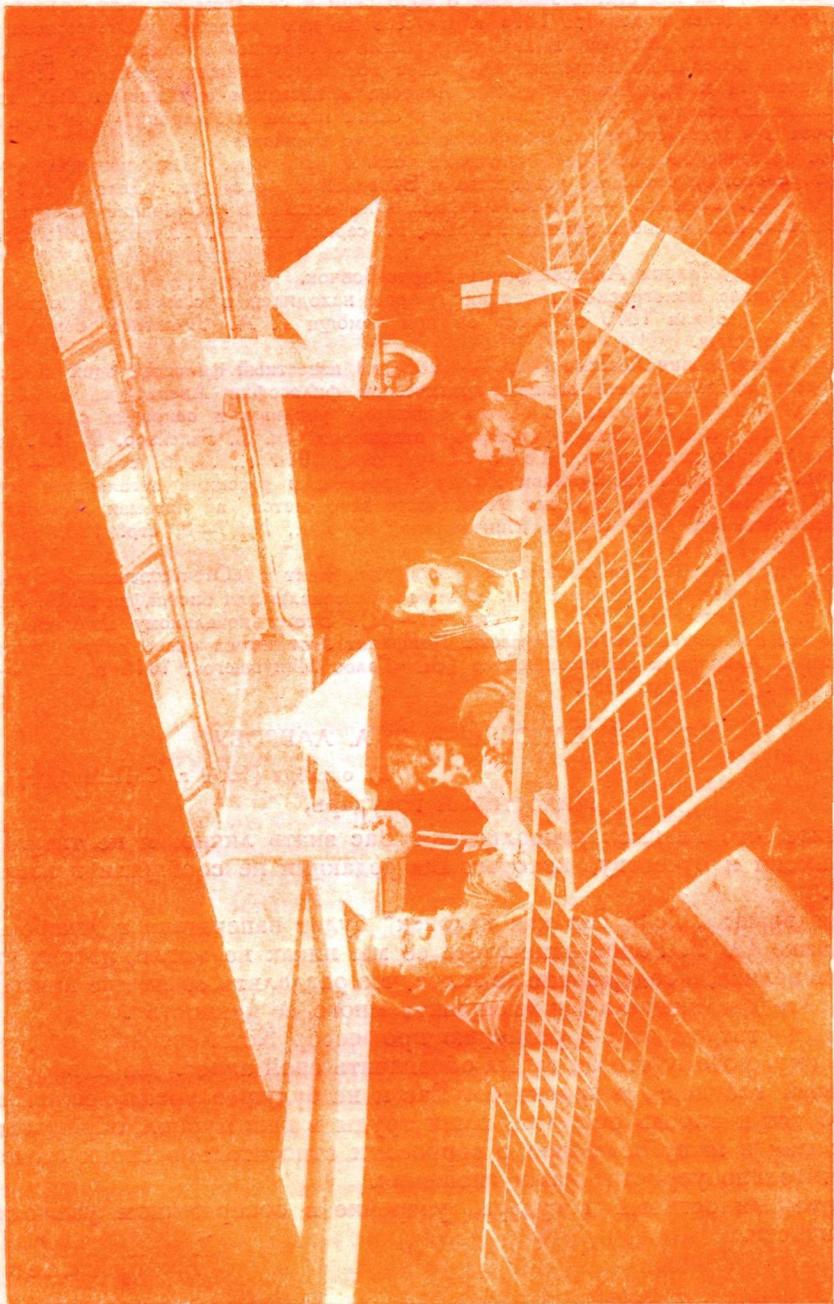
Теперь мне следовало бы поговорить о ваших огорчениях против меня. Их накопилось, кажется, очень много: отчасти я слышал это от

М. А.³, отчасти это ясно и из письма, ею переданного, в котором желая выразить доверие ко мне, Вы пишете, что один я (в редакции) могу „служить для Вас как им-нибудь ручательством, что журнал завтра же не станет противоречить всем порядочным убеждениям“. Странный Вы человек, — а еще философ! — Во 1-х справедливо ли стараться обидеть человека без всяких поводов и приписать взгляд на такой штанд-пункт, для которого нет никаких подмоствок? — Во 2-х что такое порядочные убеждения? Порядочные убеждения сделались ныне тормозящей культурой, против которой надобно бороться. Если бы люди менее были уверены в своей порядочности и не были так самодовольны от этого, то они увидели бы, что в их порядочных убеждениях накопилось весьма много беспорядочного и что они делают не то или не делают того, что им следует. Надобно мерить порядочность своих убеждений не по потребностям прошедшего, а по потребностям настоящего. Этому же настоящему не удовлетворяем ни Вы, ни я. Но я имею смелость считать себя выше Вас, потому что я сознаю это, — Вы же находитесь в таком самообольщении, что не только убеждены в порядочности своих убеждений в целом, но и беретесь мерять порядочность убеждений тех, кого Вы слишком мало знаете. — Но довольно об этом. Что делать? остается вечным вопросом и каждый день новым. — Но об нем надобно или писать целое сочинение или говорить устно. — Кстати вот хорошая тема: наша литература очень слабая по силам, тратит много напрасно сил оттого, между прочим, что у ней нет никакой программы. Горячо бьется она часто за самые пустые [вопросы] и почти совершенно молчит о самых важных. Не хотите ли написать программу для нашей литературы, выяснив по нашим состояниям относительную важность разного рода вопросов. Это был бы труд капитальный для нашего слепого времени. — Обращаясь к прежнему, могу сказать только одно пока, что очень может быть, что летом ныне мы увидимся, поговорим и авось споемся. Тогда огорчения исчезнут и порядочность мы поймем одинаково, и друг в друге сомневаться не будем.

Но есть один пункт, о котором надобно сказать несколько слов сейчас. Помните ли, когда вы были еще в Кадникове,⁴ я Вам писал как-то, что кассу так вести невозможно, как ведете Вы, что невозможно раздавать деньги десяти человекам, что я берусь быть Вашим кассиром. На это вы мне ответили, что по важным обстоятельствам дело должно стоять так, как оно стоит и услуг моих не приняла. Отменить это распоряжение Вы могли только новым распоряжением таким же прямым и ясным, как было прежде. Теперь же, не отменив прежнего распоряжения как следовало бы, Вы обвиняете меня в том: как я не исполнял Ваших слов: „посылайте деньги прямо мне“, в которых „прямо“ было, дескать, и подчеркнуто. Признаюсь Вам, что ни подчеркнутого прямо, ни этих слов я не замечал и что все это было, — узнал только из Вашего последнего письма. Кто тут из нас виноват?

Если вы будете писать для нас, то статьи посылайте прямо в редакцию, под каким-нибудь псевдонимом, но без всяких писем. Уход за статьями, т. е. хлопоты о времени их напечатания, получение гонорара и т. п., поручите кому-нибудь из Ваших знакомых, например, Лесевичу⁵. Тогда не возникнет тех печальных недоразумений, которые возникли теперь.⁶ Надеюсь впрочем, что и теперь все разъяснится и кончится к общему удовольствию. Будьте здоровы и счастливы!

¹ Письмо без обращения, без подписи и без даты. Последняя определена нами на основании ссылки Елисеева на статью Лаврова о городском и сельском хозяйстве. В письме Елисеев между прочим пишет — «может быть летом ныне увидимся». Следовательно, письмо было написано им до летних месяцев. В то же время из

П. Л. ЛАВРОВ В ТИПОГРАФИИ ЖУРНАЛА «ВПЕРЕД»
Наборщики (слева направо) — Я. В. Воспалкин, А. Л. Линева, Л. В. Гольденберг
Музей Революции СССР, Москва

письма Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер от 1/12 мая 1872 г. видно, что Елисеев 15 мая старого стиля должен уже был быть «на водах в Германии» (см. «Голос Минувшего», 1916 г., № 9, стр. 121). Отсюда вывод — письмо было написано в промежуток времени между январем и апрелем месяцами 1872 г.: Повидимому, оно относится к январю 1872 г., так как статья Лаврова о городском и сельском хозяйстве закончилась печатью в «Деле» в декабре 1871 г. Елисеев же как редактор «Отечественных Записок» и журналист, ведущий в нем «внутреннее обозрение» просматривал в силу своей профессии немедленно после выхода в свет все новые книжки журналов. Промежуток же времени между чтением статьи Лаврова и писанием ему письма был, как видно, невелик. Елисеев сам говорит об этом в своем письме к Лаврову — «я е д а в н о я прочел в «Деле» статью «Городское и сельское хозяйство».

² Елисеев не точно воспроизводит заглавие статьи Лаврова. Она называлась — «История городского и сельского устройства в Западной Европе» (см. «Дело», 1871 г., №№ 10 и 12). Подпись — П. А. Кедров. Она вошла в «Собрание сочинений П. Л. Лаврова», изд. «Революционная Мысль», IV серия, вып. IX. Петроград, 1918 г., стр. 5—98.

³ Имеется в виду Мария Александровна Марко-Вовчок.

⁴ В г. Кадникове Вологодской губернии Лавров находился в ссылке с 3 октября 1868 г. по 15 февраля 1870 г., когда он при помощи Г. А. Лопатина бежал из Кадникова за границу.

⁵ Владимир Викторович Лесевич (1837—1905 гг.) известный философ, один из первых в России представителей эмпирио-критической философии Авенариуса и Маха. Лесевич был учеником Лаврова по Артиллерийскому училищу и сохранил с ним до самой его смерти очень близкие и дружеские отношения (см. Е. Ганейзер, В. В. Лесевич в письмах и воспоминаниях. «Голос Минувшего», 1914 г., № 8, стр. 48—54). Лесевич был деятельным посредником между Лавровым и русскими легальными журналами. В связи с этим его имя очень часто встречается в письмах Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер (см. «Голос Минувшего», 1916 г., № 7—8, стр. 123, 128 и № 9, стр. 118—119, 121).

⁶ В 1871 г. у Лаврова произошел серьезный конфликт с «Отечественными Записками» из-за задержки ему гонорара (см. об этом «Материалы для биографии П. Л. Лаврова». Вып. I. Петроград, 1921 г., стр. 41—42). Этому печальному инциденту и посвящено все настоящее письмо Елисеева. Конфликт этот нашел очень яркое отражение в письмах Лаврова к Штакеншнейдер (см. «Голос Минувшего», 1916 г., № 7—8, стр. 126, 129 и № 9 стр. 115).

3. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

21 октября [1880 г. С.-Петербург] ¹

Милостивый государь,

Извините, что не имея удовольствия Вас знать лично, я не титулую Вас по имени и отчеству, которых Вы редакции не сообщили в вашем письме ².

Статья ваша: „Сент Бэв как человек“ будет напечатана в декабр[ь]-ской книжке О. З. Ранее напечатать ее мы никак не могли, потому что она очень велика, а содержание ее такое, что разделить ее на две книжки, как просите Вы, значило бы уменьшить много ее ценность ³.

О вашей статье писал в редакцию профессор Ковалевский ⁴, но я не отвечал ему, потому что он забыл обозначить свой адрес. Да и вообще, милостивый государь, я просил бы Вас и на будущее время, если Вам угодно будет и впредь посылать ваши труды в наш журнал, обращаться прямо самим в нашу редакцию с вопросами относительно своих статей, что значительно упростит наши сношения.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном уважении и преданности.

Гр. Елисеев

¹ Письмо без даты. Она определена нами в связи с ссылкой в тексте на статью П. Л. Лаврова о Сент-Беве.

² Вся эта фраза продиктована исключительно конспиративными соображениями.

³ Статья П. Л. Лаврова «Сент-Бев, как человек», напечатана в «Отечественных Записках» за 1881 г. №№ 1 и 2. Подпись — П. У...в.

⁴ Имеется в виду профессор М. М. Ковалевский, с которым Лавров находился в очень близких и дружеских отношениях. Через него Лавров сносился с редакцией газет

«Русские Ведомости». Кроме того Ковалевский на свои средства издал две работы Лаврова — «Задачи понимания истории» и «Важнейшие моменты в истории мыслей» (см. Письмо Лаврова к М. Ковалевскому. «Русское Богатство», 1914 г., № 1, стр. 192—202). Взаимоотношения Лаврова с Ковалевским очень хорошо обрисованы в статьях: Н. С. Русанова (см. Памяти М. М. Ковалевского. «Русские Записки», 1916 г., № 3, стр. 305 и 308) и С. Ан—ского (см. М. М. Ковалевский и И. И. Мечников в их сношениях с П. Л. Лавровым. «Русские ведомости», 1916 г., № 163, от 15 июля, стр. 5).

4. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

9 января 1882 г. [Ницца]

Что Вы, многоуважаемый Петр Лаврович, никогда ничего не напишите нам, невольным узникам, хотя и в прекрасной темнице? ¹ Мы ведь не знаем ничего, что творится в той лаборатории, которая приготавливает ерoсchemachende события и лиц, в них действующих ². Какие в сей лаборатории идут работы или по крайней мере вести и предположения имеются и т. п. Вообще, есть ли где-нибудь надежды на скорое оживление и жизнь? Все это Вам, вероятно, более или менее известно, хотя гадательно. Кроме того, нет ли у Вас в запасе подпольных заграничных листков, если таковые являются где-нибудь? Их нам также интересно было бы видеть. До свидания. Ваш Г. Елисеев.

Наш адрес: Petite rue St'Etienne
Villa des Essarts.

¹ Под «прекрасной темницей» Елисеев подразумевает город Ниццу, невольным жителем которой он сделался в силу своей болезни.

² Елисеев имеет в виду революционное движение и в частности деятельность партии «Народной Воли».

5. П. Л. ЛАВРОВ — Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

328, rue St.-Jacques
26 января 1882.

Многоуважаемый Григорий Захаревич.

Не отвечал Вам сейчас, потому что знал, что Вы уже успокоены письмом из rue des Beaux Arts, а все это время был очень занят и до сих пор имею много дела. Вы спрашиваете о подпольных листках и об ерoсchemachende ¹ деятельности. Вам из газет известно, вероятно, что мы (т.е. я с Засулич) выступили в качестве уполномоченных от самой мирной отрасли русской организации ², что вызвало большой гнев адептного посольства и немалое раздражение петербургского официального органа ³. Из России доходят разные известия, которые тоже печатаем в разных иностранных газетах, французских и английских. Там идут себе аресты в немалом количестве (арестовали в Москве Ольгу Любатович) ⁴, а порой, как Вам известно, и вешают (недавно Санковского ⁵), но это не мешает подпольным листкам выходить себе да выходить. Вот получили мы первые страницы № 7 Народной Воли (он сейчас вышел, но до нас доходит кусками); есть и кое-какие прокламации. Но все это гуляет по рукам, так как доходят немногие экземпляры ², и пересылается из Парижа в Лондон, Женеву etc. etc., так что достать на долго трудно. То что из этого попадает в „Общее Дело“ ⁶ или „Вольное Слово“ ⁷ Вы, конечно, знаете, так как, верно, интересуетесь и читаете эти издания, которые как мне известно, есть в Ницце. Выйдет ли из этого что-либо ерoсchemachendes или нет, знает лишь Аллах, но у него от старости, теперь голова не в порядке и он перестал сообщать свои знания человекообразным прорицателям и пророкам. Даже его представители в истории, государственные деятели что-то с ума спячивают. По крайней мере и Гамбетте и Бисмарку не худо бы немного полечиться у психиатров (наших, конечно, и лечить нечего: конституционный идиотизм и хроническое извращение

логики неизлечимы). Конечно помешательство распространяется. Вот и мой хороший приятель, которого Вы немного знали, Подолинский⁸, посажен в Монпелье в сумасшедший дом. Как бы всем нам не свихнуться? А может быть и свихнулись уж, да сами этого не подозреваем...

Придя к столь замечательным результатам, считаю лучшим остановиться. Желаю Вам всего лучшего, особенно здоровья. Говорят у Вас в Ницце очень тепло. Прошу передать мой глубокий поклон Катерине Павловне⁹.

П. Лавров

Получили ли Вы посланные Вам 3-й и 4-ый томы романа французского? Вы, конечно, мне не ответили на это. Посылаю Вам последний выпуск его, который у меня залежался.

¹ Под этим словом Лавров имеет в виду деятельность партии «Народной Воли», которой интересовался Г. З. Елисеев в своем письме.

² Речь идет об «Обществе Красного Креста Народной Воли», возникшем в декабре 1881 г. П. Л. Лавров совместно с В. И. Засулич был избран представителем этого «Общества» за границей, что и было объявлено в № 8—9 «Народной Воли» за 1882 г.

³ См. статью в «Новом Времени» — «Journal de St.-Petersbourg» о происках русских революционеров» (1882 г. 6 января, № 2104). Статья вызвана письмом П. Л. Лаврова и В. И. Засулич в газету „L'Intransigeant“ Рошфора от 1 января 1882 г., где они, излагая цели и задачи «Общества», открыли денежную подписку в его пользу. Статья из „Journal de St.-Petersbourg“ перепечатана в выдержках также в «Современном Обозрении», Москва, 1882 г., 7 января, № 6, стр. 1, см. «Дневное Обозрение». П. Л. Лавров в своем письме имеет в виду „Journal de St.-Petersbourg“, который являлся официальным органом русской дипломатии.

⁴ Любатович, Ольга Спиридоновна (1854—1917) — видный член «Земли и Воли» 70-х годов, известная участница процесса 50-ти. Состояла членом Исполнительного Комитета «Народной Воли». Арест, о котором пишет Лавров, произошел 6 ноября 1881 г. в Москве, где Любатович была задержана под фамилией Марии Святской. П. Л. Лавров лично хорошо знал О. С. Любатович, так как она была в бытность свою в Цюрихе (1872—1873 гг.) наборщицей журнала «Вперед» (см. П. Л. Лавров «Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.», 1925 г., стр. 57—58; О. С. Любатович «Далекое недавнее», «Былое», 1906 г., № 6, стр. 121). Во время своего пребывания за границей Любатович неоднократно посещала Лаврова в Париже.

⁵ Санковский, Николай Мартынович 13 ноября 1881 г. покушался на убийство генерал-адъютанта Черевина, товарища министра внутренних дел, шефа жандармов. 5 января 1882 г. он был военно-окружным судом в Петербурге приговорен «к смертной казни через повешение». Информация Лаврова неверна. Санковский при дальнейшем утверждении приговора суда получил замену смертной казни «сымакой в каторжные работы в рудники без срока» (см. «Правительственный Вестник», 1882 г., 13 января, № 9, стр. 1). Повидимому, Лавров был введен в заблуждение «Вольным Словом», где сообщалось только о смертной казни Санковского (см. «Вольное Слово», Женева, 1882 г., 24 января, № 24, стр. 3).

⁶ «Общее Дело» — подпольная, политическая и литературная газета, выходившая ежемесячно в Женеве. Издателем ее был М. К. Эпидин при материальной поддержке Н. А. Белоголового. Главным редактором был А. Х. Христофоров, соредакторами — Н. А. Белоголовый и В. А. Зайцев. Всего вышло 112 номеров (№ 1 вышел в свет 9 мая 1877 г., последний в ноябре 1890 г.). «Общее Дело» стремилось быть выразителем конституционных стремлений как части русской эмиграции, так и русской общечеловечности 80-х годов. Этими целями объяснялся состав сотрудников этой газеты, где на ряду с эмигрантами работал целый ряд представителей русской легальной интеллигенции. Нам известен следующий состав сотрудников «Общего Дела»: 1. Н. А. Белоголовый (подпись — Н. Б.), 2. В. А. Зайцев (подпись — В. З.), 3. П. Ф. Аидсов (подпись — П. А.), 4. Н. О. Осипов (подпись — Изгоев), 5. М. И. Венюков (подпись — В.), 6. Н. М. Ядрищев (подпись — Н. Я.), 7. А. Х. Христофоров (подпись — Х. Х. и А. Х.), 8. Н. В. Соколов (подпись — Н. С.), 9. С. Я. Жеманов, 10. З. Стоянов, 11. М. П. Драгоманов, 12. С. А. Подолинский, 13. П. В. Григорьев (подпись — П. Безобразов), 14. Н. А. Морозов и 15. Н. А. Юренев (подпись — Н. или N.N.). Кроме этих лиц в «Общем Деле» печатался М. Е. Салтыков-Щедрин. Это обстоятельство впоследствии было поставлено в вину «Отечественным Запискам» и послужило одним из поводов к их закрытию. Подробная библиография об «Общем Деле» имеется в «Словарном указателе по книговедению» А. В. Мезьер. М. — Л., 1931 г., стр. 991—993.

⁷ «Вольное Слово» — подпольная газета, выходившая в Женеве. Издавалась на средства «Священной Дружины» и редактировалась ее заграничным агентом А. П. Мальшин-

ским. Вначале она была свободной трибуной для всех революционеров и социалистов, не принимающих террора. Борьба с террором и в частности с народолюбцами была основной целью создания этого органа «Священной Дружины». Газета выходила еженедельно. Первый номер вышел в 1881 г. 8 августа. Редакция А. П. Маальшиного продолжалась до номера 36 включительно. С номера 37, 1882 г., от 15 мая «Вольное Слово» объявило себя органом «Общества Земского Союза и самоуправления» и с этого момента фактическим редактором его стал профессор М. П. Драгоманов. Всего было выпущено 62 номера. Последний номер вышел в 1883 г. 22 мая в двойном размере (№ 61—62). Из сотрудников «Вольного Слова» нам пока известны следующие: 1. М. П. Драгоманов, 2. П. Б. Аксельрод, 3. Г. С. Веселитский-Божидарович, 4. Н. И. Зибер, 5. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, 6. Н. П. Цакни, 7. С. М. Кравчинский, 8. И. Н. Присецкий, 9. В. Г. Малеванный, 10. Н. А. Жебунев, 11. М. Я. Рабинович (Бен-Ами), 12. М. Павлик, 13. К. А. Бороздин, 14. В. А. Гольдштейн, 15. А. М. Эпштейн. Подробную библиографию о «Вольном Слове» см. в «Словарном указателе по книговедению» А. В. Мезьер, М.—Л., 1931 г., стр. 904—909.

⁸ Подолинский, Сергей Андреевич, сын известного поэта пушкинской эпохи Андрея Ивановича Подолинского, был очень близок к П. Л. Лаврову по организации в конце 1872 г. журнала «Вперед»; через него шли все переговоры с Россией и он заведывал организацией по добыванию материальных средств для этого издания (см. П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. 1925 г., стр. 51—52). Имея большие личные средства от отца — богатого помещика, — С. А. Подолинский немало потратил своих собственных денег на поддержку издания «Вперед». После закрытия «Вперед» Подолинский деятельно сотрудничал с М. П. Драгомановым по насаждению за границей украинфильства. В 1881 г. он на свои личные средства издавал журнал «Громада», редактируя его совместно с М. П. Драгомановым и М. Павлаком. Одновременно с подпольной работой Подолинский принимал участие и в русской легальной печати, сотрудничая: в газете «Киевский Телеграф» (7 статей за 1875 г. под инициалами — П. и С. П.) в журналах — «Дело» (см. его статьи — Клод Бернар, 1879 г., № 2, стр. 242—272 и «Здоровье крестьян на Украине», 1879 г. № 5, стр. 146—189) и «Слово» («Труд человека и его отношение к распределению энергии», 1880 г., апрель—май, стр. 135—211). Последняя работа с некоторыми изменениями напечатана в 1883 г. в органе миланских социалистов «le plebe», а затем в журнале Карла Каутского «Neue Zeit» за тот же год. Этот труд Подолинского очень заинтересовал Карла Маркса и получил весьма одобрительный отзыв Ф. Энгельса (см. Э. Бернштейн «Воспоминания о М. Драгоманове и С. Подолинском», «Летопись Революции», Берлин, 1923 г., том I, стр. 64).

⁹ Екатерина Павловна — жена Г. З. Елисеева, урожденная Гофштетер (по первому мужу Корбедкая), вышла за него замуж в 1865 г. Скончалась в Петербурге через семь дней после смерти Г. З. Елисеева 25 января 1891 г. П. Л. Лавров был лично знаком с Екатериной Павловной в 1865—1866 гг., еще до своего ареста и эмиграции. Затем он часто встречался с ней в Париже во время неоднократных поездок ее с Григорием Захаровичем за границу. После Екатерины Павловны остались небольшие напечатанные воспоминания, которые Н. К. Михайловский считает «превосходными в своей непосредственности». («Полное собрание сочинений», СПб, 1909 г., том VII, стр. 416. Там же о ней еще страницы 472, 477 и 480). Воспоминания эти частично, в отрывках приведены В. Евгеньевым-Максимовым в «Голосе Минувшего» (см. 1915 г., № 1, стр. 25—29, 30—34; 1916 г., № 2, стр. 6, 15, 18, 21—23, 34—38).

6. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

10 июня 1882 г. [Люцерн]

Многоуважаемый

Петр Лаврович,

Спешу уведомить Вас, что мы из кочевого положения перешли теперь на оседлое. Потому во избежание проволочек можете прямо на мое имя адресовать ваши письма и проч. по следующему адресу: Luzern, Hôtel Sonnenberg bei Luzern. Последние слова прибавлять необходимо, потому на Люцернском озере много hotel'ей с названием Sonnenberg. Первый лист корректуры я прочел и послал Вам в субботу. Шрифт и печать очень хороши. Надобно только написать, чтобы запаслись хорошими типографскими чернилами и чтобы печать не вышла полинявшею и слепою.¹

О себе пока Вам ничего не буду писать. Чувствую себя недурно, хотя погода до сих пор стоит ужасная. Поместились мы очень недурно, но скучать будем, вероятно, шибко до приезда Белоголовых, которые обе-

щались переехать к нам 15 июня и жить вместе с нами.—Пишите о Ваших новостях.—Жена Вам кланяется. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Григорий Елисеев

¹ Речь идет о печатающейся за границей нелегальной книжке «Иван Александрович Худяков. Опыт автобиографии. Женева. Вольная русская типография. 1882 г. XII + 183 стр.». В издании и редактировании этой книжки деятельное участие принимал Лавров. Как нам удалось установить, ему принадлежит небольшое предисловие к этому изданию (см. стр. V—VII).

7. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

9 августа 1882 г. [Люцерн]

Многоуважаемый

Петр Лаврович,

Посылаю Вам проект моего примечания на упрек, сделанный Худяковым Некрасову.¹ Прочтите его, пожалуйста, внимательно. Вместо извинения я написал, как Вы увидите, полное оправдание Некрасову. У меня не было ни времени, ни сил выразить свою мысль так полно и рельефно, чтобы она сделалась для всех убедительною. Но в истине ее я не сомневаюсь. Потому я очень желал бы, чтобы эта мысль, равно как и основа ее аргументации, набросанная мною, были сохранены. Затем я просил бы Вас, если Вы станете на мою точку зрения, восполнить и округлить мою аргументацию в тех частях, где она покажется Вам слабою или недостаточно обработанною литературно. И вообще впрочем я смотрю на мое мараанье не более, как на проект. Что касается до изложения, оно может [быть] вполне изменено, исключая главной мысли и основы ее аргументации.

А всего лучше для избежания возможных недоразумений сделать так: согласимся напеча[тат]ь примечание в конце книги, сделав в тексте только ссылку на него, это даже и лучше будет: потому что примечание вышло довольно большое². Тогда [мы] общими силами мы напишем примечание удовлетворительное по содержанию и по форме. Я пишу это, конечно, в той надежде, что Вы будете так добры и любезны, как были и до сих пор, или, точнее сказать, всегда, и несмотря на множество ваших занятий, найдете возможность написать ваш проект и прислать его мне.

Жму Вам крепко руку, и до свидания Ваш Гр. Елисеев.

P. S. Белоголовый по моей просьбе уже в двух письмах спрашивал у Вас адрес Зибера⁸ в Берне. А все [на него не] ничего не отвечаете. Сообщите, пожалуйста, и поскорее. Мне очень нужно.

Luzern, Hôtel Sonnenberg bei Luzern.

¹ В своей автобиографии И. А. Худяков в особом примечании говорит о патриотическом взрыве, который охватил собой все русское общество после покушения Каракозова. В нем он в крайне резких выражениях клеймит Н. А. Некрасова. «Трудно себе представить, — пишет Худяков, — силу патриотической мании, объявшей публику после покушения. Со всех сторон посылались адреса: даже либеральный и очень талантливый поэт Некрасов писал патриотические стихи и публично в стихах просил Муравьева «не жалеть преступников». Это говорил друг Добролюбова, Чернышевского, издатель «Современника» и лучший поэт, и говорил не сидя в крепости, не келейно с деспотом, а публично! При всей подлости этого поступка, какая была при этом в нем доля глупости!.. «Современник» Муравьев закрыл, «не жалея преступников»; стало быть только Некрасов и проиграл; хотя надо сказать, ничто не оправдывало его трусости... Мы не говорим уже о гнусности того факта, что литература сочла за свой долг добровольно соперничать с палачами... Некрасов сделал бы меньшую подлость, если бы на собственный счет построил для нас виселицы!» (стр. 167—168). Это место в книжке Худякова и заставило Елисеева написать «оправдание Некрасову» в виде примечания к ней.

² Примечание Елисеева, посвященное Н. А. Некрасову, не было напечатано Лавровым. Оно сохранилось в бумагах Елисеева и полностью помещено в книге «Шестидесятые годы. М. А. Антонович и Г. З. Елисеев. Воспоминания». Изд. «Академия». М.—Л. 1933 г., стр. 460—467 (см. главу — «О личности Некрасова»).

³ Николай Иванович Зибер (1844—1888) — экономист, доцент Киевского университета. Один из первых в России популяризаторов экономических идей К. Маркса. Большую научную ценность представляла его магистерская диссертация — «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях». С 1875 г. Зибер постоянно жил за границей и находился в самых дружеских отношениях с Лавровым.

8. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

9/21 сентября 1882 г. [Берн]

Многоуважаемый
Петр Лаврович,

Спасибо Вам за уведомление о ходе издания. Очень рад, что дело идет к благополучному концу. А что нескольких листов конца издания я не видал, это, конечно, ровно никакого значения не имеет. Я уверен, что и в этих листах не проскользнуло ни одного имени, которое могло бы быть скомпрометировано. А это главное, о чем я заботился¹. — Затем, я никак не могу считать себя причиной того, что с Вами потеряли друг друга. Я, действительно, обещал уведомить Вас, когда перемену место жительства, в том, конечно, случае, если при этом потребуются новый адрес. Но при переезде из Люцерна в Берн такой надобности не оказывалось. Берн всего на расстоянии трех часов от Люцерна, а в таких случаях я обыкновенно подаю бумагу в почтамт, чтобы все полученное на мое имя пересылалось в данное место. Так было и теперь. И все из Люцерна посылалось в Берн исправно. Как случилось, что пропадали корректуры, не понимаю. Последняя корректура, полученная мною в Люцерне, была та, где помещено было ваше примечание о Некрасове². Я прочитал в тот же час, как получил, и в тот же день отправил к Вам. Неужели Вы ее не получили? Если не получили, то надо взять за бока бывшего нашего хозяина Видмера. Но все это мы разберем с Вами в Париже, куда я стремлюсь давно уже, но грехи не пускают.

В Берне стоит такой холод и такая скверная погода, что мы хвораем все время, пока живем. Кашель, насморк невообразимые, и не знаем, как отсюда выбраться. Сегодня вечером решил я отправиться в Женеву, а оттуда через несколько дней в Париж. Моя цель оставить жену в Женеве, а в Париж ехать одному. Удастся ли это, не знаю. Буду просить ее, убеждать, умолять, чтобы она отпустила меня одного. Так жить, как живем мы, невозможно. Не говоря о беспрестанных столкновениях, делать ничего нельзя. Проводишь самую глупую жизнь. Знаю, что без жены будет мне хворому пропасть неудобств, приходится множество разных неприятностей, а может быть даже и околеть где-нибудь без призора. И за всем тем, взвешивая все и pro и contra, я все-таки решаюсь. Удастся ли, не знаю. Слаб я очень, никак не могу переносить женских слез.

Скажите от меня поклон Белоголовым, не пишу теперь, потому что, как говорю Вам, все, что мы живем здесь, хвораем. И главный писарь до сих пор не поднимал вопроса о письме.

Кстати 17 нашего сентября Софья Петровна именинница³. Успею ли я к этому времени приехать в Париж, я не знаю. По всей вероятности не успею. В таком случае всю надежду и упование возлагаю на Вас. Приищите ей какой-нибудь подарок франков в 50 и даже более в 60, и в день именин пошлите из магазина от моего имени. В выборе подарка совершенно полагаюсь на ваш вкус. Деньги по приезде в Париж возвращу Вам с благодарностью. Засим до свидания и будьте здоровы.

Ваш Гр. Елисеев

Жена Вам кланяется.

¹ Из этого места письма Елисеева видно, что он не только участвовал совместно с Лавровым в редактировании текста печатающейся за границей автобиографии И. А. Худякова, но, повидимому, исправлял самую рукопись ее до печати, вычеркивая оттуда имена тех лиц, которые могли быть скомпрометированы.

² Это место письма Елисеева документально подтверждает, что анонимное примечание, напечатанное в книжке А. И. Худякова в ответ на его упреки Н. А. Некрасову, принадлежит П. Л. Лаврову (см. «Примечание издателей», стр. 168—169). Не согласившись с проектом примечания, присланным Елисеевым, и его аргументацией, Лавров сам ответил Худякову, подойдя к поступку Некрасова с несколько иной точки зрения, чем предлагал Елисеев.

³ Имеется в виду жена доктора Н. А. Белоголового.

II. НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА Г. В. ПЛЕХАНОВА к П. Л. ЛАВРОВУ

Вступительная статья Б. Н. Козьмина

В 1921 г. в № 2 исторического журнала «Дела и Дни» было опубликовано 22 письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову ¹. Печатаемые ниже четыре письма Плеханова к тому же адресату ² являются ценнейшим дополнением к публикации 1921 г.

Если к только что указанным 26 письмам добавить еще одно письмо Плеханова, напечатанное в 1933 г. в № 7—8 «Литературного Наследства» ³, то перед нами будут все известные до сих пор письма Г. В. Плеханова к его старшему товарищу по революционной работе — П. Л. Лаврову.

Письма Плеханова к Лаврову относятся к первому десятилетию эмигрантского периода жизни Плеханова (1880—1889); погодное распределение их в пределах этого десятилетия крайне неравномерно: из 27 писем 24 относятся к первым четырем годам десятилетия и лишь три к остальным шести годам. Такое хронологическое распределение писем Плеханова не случайно: оно отражает эволюцию взаимоотношений между основоположником русской социал-демократии и теоретиком революционного народничества.

Письма Плеханова к Лаврову — материал исключительной важности для характеристики этой эволюции. В этом легко убедиться, проследив основные этапы сближения и расхождения Плеханова с Лавровым.

I

Плеханов сблизился с Лавровым в 1880 г., когда совместно со своими товарищами по «Черному Переделу» В. Засулич, А. Дейчем и Я. Стефановичем оставил пределы России и превратился в эмигранта. Если до этого Плеханов и встречался с Лавровым во время своего пребывания за границей в 1877 г., то встречи их носили случайный характер и не давали повода к сближению. Поэтому в землевольческий период своей жизни Плеханов судил о Лаврове не столько по личным впечатлениям от встреч с ним, сколько по его сочинениям и по столкновению с людьми, именовавшими себя его учениками и последователями.

Несомненно, что, еще живя в России, Плеханов читал «Исторические письма» и другие произведения Лаврова, а также был знаком с его журналом и газетой «Вперед». Прямых высказываний Плеханова того времени о Лаврове и о его политической программе до нас не дошло. Тем не менее, не рискуя впасть в ошибку, мы можем утверждать, что отношение Плеханова к Лаврову и его революционной теории было глубоко отрицательным. Мы знаем, что мыслями Плеханова в землевольческий период его деятельности безраздельно владел другой теоретик революционного народничества — апостол анархизма М. А. Бакунин. Естественно, что в верном последователе идей Бакунина, каким вырисовывается перед нами Плеханов по его статьям того времени, программа, развиваемая Лавровым на страницах «Вперед», не могла не вызывать враждебного отношения. Это сказалось при встрече Плеханова с учениками Лаврова.

Еще в землевольческий период Плеханов прославился как остроумный, задорный и красноречивый оратор, с большим успехом выступавший на собраниях революционной молодежи в Петербурге. На этих собраниях ему приходилось неоднократно сталкиваться с последователями Лаврова, вести с ними ожесточенные диспуты и резко критиковать их отношение к текущим вопросам революционной жизни ⁴.

Сохранился ряд позднейших отзывов Плеханова о тогдашних петербургских лавристах. Эти отзывы свидетельствуют о впечатлении, произведенном ими на их молодого, но убежденного идейного противника.

Плеханов признает, что пропаганда, которую лавристы вели среди петербургских рабочих, приносила известную долю пользы, поскольку лавристы, в прямом противоречии с собственным им, как и другим народникам, отрицательным отношением к «политике», сочувственно отзывались о германской социал-демократии и знакомили русских рабочих с ее деятельностью ⁵. Однако наряду с этим Плеханов обращает внимание и на другую сторону, характерную для политических выступлений тогдашних лавристов. «Они, — свидетельствует Плеханов, — составляли из себя довольно высокомерную общину сектантов, упорно и монотонно осуждавших все то, что заставляло сильнее биться сердце тогдашнего «радикала»: студенческие волнения, рабочие стачки, манифестации, сочувственные политическим «преступникам», массовые протесты против безобразий администрации и т. д. и т. д. Это очень раздражало тогдашнюю революционную молодежь; популярность автора «Исторических писем» быстро падала» ⁶. И вслед за этим Плеханов вспоминает об известной эпиграмме на Лаврова, автором которой был товарищ Плеханова по редактированию «Земли и Воли» Д. А. Клеменц. Эта эпиграмма

«Ех — профессор, ех — философ,
Революции оплот,
Он сидит верхом на раке
И кричит: «Вперед! Вперед!»

— ярко рисует отношение землевольцев к Лаврову. Правда, по петербургским лавристам 1877—1878 гг. было бы не вполне правильно судить о самом Лаврове. К этому времени они довольно далеко отошли от своего учителя. Их революционная деятельность приближалась к концу и вскоре все они навсегда отказались от участия в революционном движении. Лавров знал это и впоследствии осуждал их за то, что они «сами почти добровольно сходили с политической сцены» ⁷. Один из товарищей Плеханова по группе «Освобождение Труда» свидетельствует, что ему из уст самого Лаврова доводилось слышать заявления вроде следующего: «Я не лаврист; я давно не имею ничего общего с лицами, носящими эту кличку; своим поведением они скомпрометировали себя и меня» ⁸. Сам Плеханов впоследствии отмечал, что ему приходилось иметь дело с «лавристами времен упадка», и что «их взгляды вовсе не характерны для лавризма, каким он был в лучшую пору своего существования» ⁹. Однако разобраться во взаимоотношениях между Лавровым и его учениками Плеханов смог лишь впоследствии, когда познакомился с самим Лавровым. В 1877—1878 гг., в разгар полемики против лавристов, и он был склонен возлагать на Лаврова ответственность за грехи его учеников. Это совершенно неоспоримо вытекает из приведенных выше его слов о том, что петербургские лавристы своими выступлениями подрывали популярность автора «Исторических писем». Таким образом в землевольческий период Плеханов несомненно относился к Лаврову не только отрицательно, но даже и враждебно.

II

В январе 1880 г. Плеханов эмигрировал в Швейцарию. Вскоре, весной того же года, ему пришлось посетить Париж в качестве делегата от русских эмигрантов в Швейцарию, посланного хлопотать о невыдаче русскому правительству находившегося во Франции народовольца А. Гартмана. Лавров принимал деятельное участие в деле последнего. К этому-то времени и относится начало сближения Плеханова с Лавровым.

К весне 1880 г. Плеханов уже не был таким ортодоксальным народником-бакунистом, каким он являлся в эпоху «Земли и Воли»: в его мирозерцании стали заметны неко-

торы трещины. Становилось ясно, что Плеханов начал испытывать сомнения во многом, что прежде казалось ему совершенно ясным и бесспорным. Для нас это обстоятельство представляет особый интерес в том отношении, что объясняет возможность идейного сближения Плеханова с Лавровым.

Статьи, опубликованные Плехановым в 1880 г. в «Черном Переделе», а также статья «Поземельная община и ее вероятное будущее», появившаяся в том же году на страницах легального «Русского Богатства», свидетельствует о глубоком идейном кризисе, который в то время переживал Плеханов.

Статья «Поземельная община» была посвящена вопросу, стоявшему в центре тогдашней русской жизни и оживленно дебатировавшемуся на страницах прессы. Вопрос ставился так: окажется ли поземельная община достаточно крепкой для того, чтобы уцелеть от столкновения с капитализмом, начавшим проникать в Россию, или же, напротив того, ей суждено погибнуть в борьбе против капитализма. Другими словами, сможет ли Россия, опираясь на существующую в ней сельскую общину, миновать стадию капиталистического развития и перейти непосредственно к социализму, или же капитализм восторжествует в России подобно тому, как он восторжествовал на Западе?

Еще в 1878 г. Плеханов отметал всякие сомнения относительно этого вопроса. Он был глубоко убежден в непоколебимости русского общинного строя и верил в то, что общинное владение землей «гарантирует народу светлое будущее».

Эта уверенность Плеханова с особой отчетливостью проявилась в статье «Об чем спор?» написанной в конце 1878 г. в связи с теми дискуссиями, которые велись в прессе и среди революционно настроенной молодежи по поводу очерков Гл. Успенского (Г. Иванова) «Из деревенского дневника», печатавшихся в то время в «Отечественных Записках». Известно, что впоследствии, десятью годами позже, когда Плеханов писал свою замечательную статью «Народники-беллетристы», он дал высокую оценку этих очерков Успенского. В 1888 г. Плеханов ставил Успенскому в особую заслугу то, что этот писатель одним из первых отметил проникновение капитализма в деревню и обнаружил, что «склад деревенской жизни быстро разлагается от вторжения новой силы — денег». Совершенно иначе подходит к Успенскому Плеханов десятью годами раньше. В статье «Об чем спор?» он обвинял Успенского в непонимании деревенской жизни и в приписывании крестьянской среде таких взглядов, которые в действительности существуют только в проникнутом «индивидуализмом» населении городов. «Вам, г. Иванов, — писал в то время Плеханов — кажется, что разлагающему влиянию кулачества и плохого экономического положения «в деревне нет даже тени чего-нибудь равносильного в смысле отпора», а ваши противники думают, что этот отпор дается общинным владением землею»¹⁰. В то время у Плеханова не было еще никаких сомнений в том, что община выйдет победительницей из борьбы с капитализмом.

В 1880 г. от этого благодушного оптимизма у Плеханова не осталось и следа. Он уже понял, насколько велика опасность, грозящая общине со стороны капитализма, и вследствие этого его прогноз относительно будущего России не отличался уже таким категорическим характером, как прежде. Теперь Плеханов уже не отрицает того факта, что русская община вступила в критический период своего существования, что в ней заметны уже «признаки искажения ее коренного принципа», что среди населения деревни происходит дифференциация, порождающая борьбу между состоятельными и несостоятельными членами общины. Теперь Плеханов уже не может отвергать возможности разрушения общинного строя «в борьбе с нарождающимся капитализмом». Погибнет ли община или, наоборот, уцелеет и разовьется, по мнению Плеханова, «в значительной мере зависит от правильного понимания нашей интеллигенцией экономических задач родной страны»¹¹. Таким образом оказывается, что только вмешательство интеллигенции сможет спасти общину от гибели.

На страницах легального «Русского Богатства» Плеханову волей-неволей приходилось ограничиваться весьма неясными формулировками и не договаривать до конца своих мыслей. С большей ясностью он мог писать в «Черном Переделе», и там мы находим пояснение того, что имеет в виду Плеханов, когда он говорит о вмешательстве интеллигенции в развитие русской экономической жизни.

В «Черном Переделе» он указывает, что традиционным формам народной жизни грозит серьезная опасность со стороны развивающегося в деревне «кулачества и ростовщического капитализма». Кулачество и ростовщичество, по его мнению, сильны тем, что они опираются на поддержку государства. Отсюда вывод: «нам прежде всего нужно обратить свои усилия на разрушение ныне существующего в нашем отечестве государственного строя»¹².

Итак, борьба против самодержавия выдвигается Плехановым как первоочередная задача русских революционеров. В ниспровержении существующей государственной власти и заключается то вмешательство интеллигенции, которое может спасти от гибели общинный строй русской деревни. Таким образом мы видим, что в 1880 г. в отношении Плеханова к политической борьбе начал замечаться перелом, свидетельствующий об отходе его от прежних ортодоксально-народнических позиций.

В 1880 г. Плеханов приходит к заключению, что только революция может спасти общину от гибели, угрожающей ей со стороны капитализма. Ну; а если этого не случится, если капитализм восторжествует в России раньше, чем в ней произойдет социальная революция? Теперь Плеханова не страшит и такая перспектива, ибо он понимает уже, что там, где, как на Западе, восторжествует «индивидуалистический принцип», «капитализм подготавливает почву социализму и является его необходимым предшественником»¹³.

Означает ли это признание, что Плеханов уже в 1880 г. стал на точку зрения научного социализма, что он уже тогда был марксистом, как это утверждают некоторые исследователи? Отнюдь нет, ибо и теперь он попрежнему придерживается убеждения, что в формах русской народной жизни заложены «задатки для развития полного коллективизма в отношениях производителей к орудиям труда»¹⁴; таким образом земельная община продолжает оставаться в его глазах исходной точкой социалистического преобразования России. Отсюда ясно, что его тезис о подготовке капитализмом почвы для социалистической революции отнюдь не свидетельствует о переходе его на точку зрения научного социализма. Социализм Плеханова эпохи «Черного Передела» попрежнему остается социализмом утопическим. Однако его новый взгляд на капитализм свидетельствует об отходе его от бакунизма. Вместе с тем, как мы сейчас убедимся, отходя от Бакунина, Плеханов в вопросе о капитализме приближается к Лаврову.

Еще в эпоху издания «Вперед» Лавров ставил вопрос о судьбах русской общины, о капитализме приблизительно так же, как теперь — в 1880 г. — ставит его Плеханов.

Подобно другим народникам, Лавров расценивал общину как исходную точку социального преобразования России. В программе журнала «Вперед» он указывал, что социалистическая революция в России облегчается благодаря существованию в ней общинного землевладения. «Мирская сходка», по его мнению, должна превратиться в «основной политический элемент русского политического строя»¹⁵. Это конечно чисто народническая постановка вопроса. Однако у того же Лаврова мы встречаем формулировку, казалось бы, совершенно иного типа. Таково например его утверждение, что социализм представляет собою «исторический фазис, фатально вырабатывающийся из капиталистического общества». Следующая за этим ссылка на «Коммунистический манифест» показывает, откуда Лавров почерпнул эту мысль¹⁶.

Как же связывал Лавров воедино эти, казалось бы, взаимно исключающие друг друга суждения? Чтобы ответ на этот вопрос выяснился, необходимо привести еще одну цитату. «Какое основание думать, — писал Лавров, полемизируя с Ткачевым, — что борьба народа с буржуазией в России была бы немыслима, если бы действительно в России установились формы общественной жизни, подобные формам заграничной? Разве не развитие буржуазии именно вызвало пролетариат к борьбе?»¹⁷.

Из этих слов Лаврова видно, что его точка зрения сводилась к следующему: он надеялся, что социалистическая революция предупредит развитие капитализма в России, однако вместе с этим он не исключал возможности того, что революция запоздает и капитализм успеет восторжествовать у нас так же, как он восторжествовал на Западе. Возможное торжество капитализма не смущало Лаврова, питавшего, на основании своих наблюдений над западноевропейским рабочим движением, уверенность в том, что капи-

тализм даже в случае его победы «фатально» осужден на гибель. Другими словами, Лавров полагал, что пойдет ли Россия особыми путями развития или же повторит западные, социализм все равно — рано или поздно — восторжествует в ней¹⁸.

Вот почему мы в праве утверждать, что в постановке вопроса о судьбах капитализма в России Плеханов в 1880 г. приблизился к Лаврову. А это конечно облегчало возможность сближения их друг с другом.

III

Свое пребывание в Париже весной 1880 г. Плеханов использовал не только для хлопот по делу Л. Гартмана, но и для организации одного литературного предприятия. Вместе с Лавровым и другими русскими эмигрантами, проживавшими в Париже, он налаживает издание серии социалистических брошюр под названием «Русская социально-революционная библиотека». По возвращении в Швейцарию он пишет объявление об издании этой серии. Письма его к Лаврову, относящиеся к лету 1880 г., посвящены главным образом различным вопросам, связанным с новым литературным предприятием, которое несомненно глубоко заинтересовало его. В то же время он от своего имени и от имени эмигрировавших вместе с ним товарищей по «Черному Переделу» (В. Засулич, А. Дейч и Я. Стефанович) обращается к Лаврову с просьбой написать для № 2 «Черного Передела» хронику рабочего движения во Франции¹⁹. Лавров, одобрительно отзывавшийся о № 1 «Черного Передела», соглашается на это предложение²⁰.

Появление фамилии Лаврова на страницах «Черного Передела» имело не малое политическое значение. Его имя, выдающегося теоретика революционного народничества, пользовалось большим уважением среди революционеров того времени. К этому надо прибавить, что с 1876 г., когда Лавров порвал со своими товарищами по изданию «Вперед», он держался изолированно и не выступал в нелегальной печати. Согласие его на сотрудничество в «Черном Переделе» служило доказательством того, что его симпатии находятся на стороне «Черного Передела», а не «Народной Воли». Чернопердельцы были в праве рассматривать Лаврова если не как единомышленника, то как союзника. А это способствовало начавшемуся сближению с ним Плеханова.

Осенью 1880 г. переписка между Плехановым и Лавровым прервалась в виду того, что Плеханов, покинув Швейцарию, переселился в Париж. В Париже он прожил около года. В это время он часто встречался с Лавровым, обсуждал вместе с ним текущие вопросы русской революционной жизни и в своих научных занятиях пользовался его советами и указаниями, а также его исключительно ценной библиотекой. «Я, живши в Париже, вблизи *Bibliothèque National* и ваших книг, ужасно в этом отношении избаловался», писал впоследствии Плеханов Лаврову, жалуясь на отсутствие в Кларане, где он поселился после того, как покинул Париж, «порядочной библиотеки» (см. второе из публикуемых ниже писем).

В истории умственного развития Плеханова парижский период его жизни сыграл громадную роль. Глубокий идейный кризис, переживаемый им и намевшийся еще в 1879 г., продолжал углубляться и расширяться. В поисках за выходом из этого кризиса Плеханов жадно набросился на малодоступную для него ранее западноевропейскую социалистическую литературу и в первую очередь работы Маркса и Энгельса, знакомство с идеями которых ограничивалось для него ранее едва ли не одним первым томом «Капитала». Теперь он внимательно штудирует другие произведения Маркса, а также работы Энгельса. Еще летом 1880 г. в Женеве он, по свидетельству П. Б. Аксельрода, изучал «Антидюринга» Энгельса²¹. Однако многие произведения основоположников научного социализма являлись в то время библиографической редкостью и достать их в швейцарских библиотеках представлялось невозможным. Богатейшая парижская Национальная библиотека и ценное собрание социалистической литературы, которым располагал Лавров, послужили для Плеханова целым кладом новых идей. Почти все свое время в Париже он посвящал чтению.

Условия, в которых приходилось жить и работать революционерам в России, являлись более чем неблагоприятными для серьезных теоретических занятий. «До невероятности напряженная борьба с правительством, — писал сам Плеханов в 1880 г., — не

позволяет социалисту-революционеру заниматься пополнением пробелов в его образовании. У него нет для этого ни времени, ни подходящих условий. Попавши с самых молодых лет под огонь полицейских преследований, он часто не имеет даже комнаты, которую он мог бы назвать своей. Целые месяцы, а иногда и годы он не имеет определенного местожительства. Он ведет скитальческий образ жизни и, вставши утром, не всегда знает, где найдет приют на следующую ночь. При таких условиях умственные занятия, если не совершенно невозможны, то крайне затруднительны»²². Повтому понятно, что Плеханов, очутившись в эмиграции в условиях вынужденного бездействия, спешил наверстать потерянное время.

А работа предстояла ему поистине громадная, ибо кроме несбывшихся надежд, потерявших авторитетов и поколебленного мирозерцания он, покидая Россию, не имел ничего. Правда, у него был еще опыт, вынесенный из непосредственного участия в революционной борьбе, однако времени для того, чтобы этот опыт осмыслить и результаты его теоретически оформить, в России у него не доставало.

Еще живя в России, Плеханов имел дело с рабочими. Он вел занятия в качестве пропагандиста в рабочих кружках²³. Он принимал непосредственное участие в стачечном движении, происходившем в Петербурге в 1878—1879 гг. Уже тогда у него, как и у многих народников того времени, появилась мысль, что фабрично-заводские рабочие являются элементом чрезвычайно ценным для революции, таким, на который следует обратить гораздо больше внимания, чем это делалось в то время революционерами. Эта мысль была выражена им в печати — в передовой статье № 3 и 4 «Земли и Воли». Однако от этого до правильного понимания революционной роли пролетариата была еще «дистанция огромного размера», ибо Плеханов в то время интересовался рабочими лишь с точки зрения той пользы, которую их содействие может принести революционерам, и не понимал еще действительной роли рабочих в социальной революции. К тому же Плеханов продолжал еще рассматривать пролетариат не как самостоятельный класс общества, а как часть единого класса трудящихся. Конечно такая постановка вопроса ничего общего с марксизмом не имела.

Однако пытливая мысль Плеханова не могла успокоиться на тех выводах, которые были сделаны им еще в России. Он сам понимал это и, очутившись за границей, считал нужным вновь пересмотреть результаты своего опыта и «подвести итоги тому, что было сделано и узнано в России»²⁴. В том же направлении влияло на Плеханова и западноевропейское рабочее движение, с которым он познакомился, очутившись в Европе. Известно например, что громадное впечатление произвели на него многолюдные демонстрации французских рабочих в честь возвращающихся из ссылки коммунаров, свидетелем которых он был при посещении Парижа весной 1880 г.

Вспоминая впоследствии первые годы пребывания своего и своих товарищей по «Черному Переделу» в эмиграции, Плеханов писал: «Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали конечно первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни»²⁵. Действительно, в 1880—1882 гг. Плеханов быстрыми шагами шел по направлению к марксизму. Проследить детально его умственную эволюцию за эти годы на основании опубликованных им в то время произведений невозможно. Его литературная деятельность тогда не отличалась особою продуктивностью. Это и естественно, ибо Плеханову хотелось завершить начатую идейную переработку, прежде чем выступать в печати с развернутыми программными статьями. Заявление и письмо в редакцию «Черного Передела», напечатанные в № 3 этого органа, объявление об издании Русской социал-революционной библиотеки, воспоминания об А. Д. Михайлове, предисловие к русскому переводу «Коммунистического манифеста» да две статьи на политико-экономические темы («Новое направление в области политической экономии» и «Экономическая теория К. Родбертуса-Яге-

цова»), опубликованные в легальных «Отечественных Записках», — вот и все, что мы имеем от Плеханова 1881—1882 гг. Естественно, что при таких условиях переписка его с П. Л. Лавровым за эти годы должна представлять выдающийся интерес. В частности это можно и должно сказать о печатаемых ниже письмах. Ряд высказываний и сообщений, которые мы в них находим, имеет исключительное значение для обрисовки идейной эволюции их автора.

Уже первое из печатаемых ниже писем (от 10 октября 1881 г.) характерно в этом отношении. Получив от возвратившегося в Россию для революционной работы Я. Стефановича сообщение, что чернопеределческий листок «Зерно» расходуется в 1000 экземплярах и очень нравится рабочим, Плеханов был настолько поражен этим фактом, что отнесся к нему с недоверчивой подозрительностью. «Если бы, — пишет он Лаврову, — действительно «Зерно» расходилось в 1000 экземплярах в среде рабочих! Тогда можно было бы сказать, что пролог кончен и драма начинается. Тогда можно было бы сказать, что мы имеем уже наше рабочее движение. Тогда поскорее запастись нужными сведениями и dahin, dahin, где рабочие нуждаются уже в своей рабочей газете. Мне ведь и раньше казалось, что от рабочих только и можно ждать сколько-нибудь важного и серьезного участия в революционном движении»²⁶.

Не менее характерно следующее письмо, написанное Плехановым в конце 1881 г., в разгар работы над статьей о Родбертусе. Изучая критику теории ренты Рикардо, данную Родбертусом, Плеханов «чувствует», что Родбертусу не прав, но не может «открыть логическую ошибку в его доводах». Принять точку зрения Родбертуса он также не может. «Маркс, — пишет он Лаврову о своих сомнениях, — называет теорию Родбертуса ошибочной, а его авторитет для меня очень важен. Я сто раз подумаю, прежде чем соглашусь с неодобряемым им взглядом»²⁷.

В этом же письме Плеханов касается вопроса о капитализме в России. Мы помним, что в 1878 г. Плеханов категорически отрицал за ним шансы на победу, а в 1880 г. начал колебаться, допуская возможность того, что русский общинный строй погибнет под ударами капитализма, если революция не успеет спасти его. Теперь в 1881 г. для Плеханова нет уже никаких сомнений в этом вопросе: он признает победу капитализма уже предрешенной. «Я, — пишет он Лаврову, — как вам известно²⁸, держусь того взгляда что это дело уже решенное, Россия «уже ступила на путь естественного закона своего развития», и все другие пути, — мыслимые быть может для каких-нибудь других стран, — для нее закрыты»²⁹.

В третьем письме, относящемся к началу 1882 г., Плеханов делится с Лавровым своими сомнениями относительно полученного им от народолюбцев предложения стать одним из редакторов их заграничного журнала (будущий «Вестник Народной Воли»). «Я не «самобытник», — пишет он, — и не вижу в русской истории никаких существенных отличий от истории Запада. Тем менее вижу я в ней чего-либо диаметрально-противоположного³⁰ с историей Запада. А между тем «Народная Воля» в каждой передовой статье силится доказать какую-то «Gewaltstheorie» по которой в России не политика родилась из экономики, а наоборот».

После этих ярких высказываний, свидетельствующих, какое громадное значение уже тогда придавал Плеханов теории Маркса, не удивляет выраженная им готовность «создать из «Капитала» Прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли»³¹.

Таким образом в 1881—1882 гг. Плеханов сделал громадный шаг вперед и на много приблизился к правильному пониманию теории Маркса. Известно, что уже тогда — в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» — он поставил в порядок дня русской политической жизни основание «организации рабочего класса» в целях «непрестанного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов»³².

Однако, как замечает один из товарищей Плеханова по «Черному Переделу» и группе «Освобождение Труда», в нем и в его товарищах (в последних особенно сильно) «новые взгляды уживались с прежними»³³ или, точнее, с пережитками прежних. Это сказалось на его отношениях с П. Л. Лавровым в те годы, а также и в вопросе об его участии в редакции «Вестника Народной Воли».

IV

Письма Плеханова к Лаврову 1881—1882 гг. показывают, с каким глубоким уважением относился в то время их автор к своему адресату. Плеханов интересуется мнением Лаврова относительно своих литературных работ, выражает ему благодарность за снабжение материалами, за советы, указания и рекомендации, говорит о своем глубоким уважении к автору «Исторических писем». В письме от 31 октября 1881 г. Плеханов пишет: «С тех самых пор, как во мне началась пробуждаться «критическая мысль», вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях»³⁴.

Было бы ошибкой принимать на полную веру это утверждение Плеханова. Нет никакого сомнения в том, что работы Чернышевского и Маркса оказали несравненно большее влияние на духовное развитие Плеханова, чем произведения Лаврова. Нет также сомнения и в том, что неупомянутый в письме Плеханова Бакунин имел не меньшее, а большее, чем Лавров, право считаться одним из любимейших авторов Плеханова в домарксистский период его жизни. Значит ли это, что Плеханов в письме к Лаврову сознательно искажал действительность или желал польстить своему адресату? Конечно нет. Он был вполне искренен, когда писал это письмо; его содержание вполне соответствовало политическим настроениям Плеханова того времени. Несомненно, что в 1881—1882 гг. у него, как и его товарищей по «Черному Переделу», имелась склонность преувеличивать степень своей идейной близости к Лаврову. Это объяснялось отношением Лаврова к существовавшим в то время революционным группировкам. «Начиная с зимы 1880 г. и до конца 1882 г., — вспоминает один из товарищей Плеханова, — Лавров в своих политических взглядах вполне сходил с нами, чернопередельцами, и совершенно отрицательно относился к народокольцам, о чем он неоднократно как устно, так и в своих письмах заявлял некоторым из нас»³⁵.

Можно сомневаться в том, чтобы Лавров относился «совершенно отрицательно» к народокольцам (этому противоречат факты, например согласие Лаврова быть представителем народокольческого «Красного Креста»), однако несомненно, что в тот момент он стоял гораздо ближе к «Черному Переделу», нежели к «Народной Воле». Это ярко проявилось во время переговоров между народокольцами, с одной стороны, и Плехановым и его друзьями, с другой, относительно совместной работы.

Удачный террористический акт 1 марта 1881 г. на первых порах высоко поднял авторитет народокольцев в революционной среде, особенно же среди эмигрантов. Наоборот, бессилие чернопередельцев с каждым днем вырисовывалось все яснее. «Наше главное горе, — вспоминал впоследствии Плеханов, — заключалось в том, что даже та часть молодежи, которая горячо и искренне отстаивала деятельность в народе, на практике совершенно уклонилась от нее и, уминаясь перед вековой прочностью экономических «устоев» деревенской жизни, вовсе не собиралась покидать город»³⁶.

Если же при этом принять во внимание, что чернопередельцы к тому времени начинали примиряться с политической борьбой и признавать полезным участие в ней, то станет ясно, что в 1881 г. создавалась почва, чрезвычайно благоприятная для объединения «Народной Воли» и «Черного Передела» для общей работы. В 1882 г. арестованный Я. Стефанович, объясняя на допросах мотивы своего возвращения из-за границы в Россию, говорил: «Мне казалось совершенно невозможным сплотить в серьезную организацию молодые, неопытные чернопередельческие силы и вести работу, соответствующую этому направлению, рядом с сильной, окрепшей в борьбе и богатой традициями организацией «Народной Воли». В настоящее время эта организация (собственно центр ее — Исполнительный комитет) является настолько популярной и авторитетной, что лишь ее инициатива может обеспечить ход тому или другому практическому начинанию, той или другой тактике партии»³⁷.

Несомненно, что эти слова Стефановича отражали не только его личные мнения и настроения, но также и настроения и мнения его товарищей эмигрантов-чернопередельцев. Это подтверждается целым рядом фактов: Засулич соглашается стать представительницей народокольческого «Красного Креста»; Дейч организует в Женеве наборную для народокольцев и совместно с Засулич печатает журнальчик «На родине», в ко-

тором на ряду с оригинальным материалом перепечатывались некоторые статьи из «Народной Воли»; наконец Стефанович с благословения своих товарищей летом 1881 г. возвращается в Россию для того, чтобы войти в «Народную Волю» и бороться в ее рядах.

Что касается Плеханова, то и он поддается общему настроению и посылает в «Народную Волю» рецензию на брошюру М. П. Драгоманова по поводу дела 1-го марта. Правда, народovolьцы не сочли возможным напечатать в своем органе эту рецензию, не желая начинать полемику против Драгоманова, однако они прислали Плеханову благодарность за сочувственное отношение к памяти деятелей 1-го марта и приглашение к дальнейшему сотрудничеству³⁸. А вскоре Исполнительный комитет «Народной Воли» выдвинул проект организации за границей научно-революционного журнала, в качестве одного из редакторов которого на ряду с П. Л. Лавровым и С. М. Кравчинским наметил и Г. В. Плеханова. Таким образом выяснялось, что обе стороны признают желательными если и не полное объединение друг с другом, то по крайней мере сближение и совместную работу.

Нет необходимости излагать здесь историю сближения Плеханова и его товарищей с народovolьцами и последующего разрыва между ними. На эту тему имеются весьма содержательные воспоминания Плеханова, Дейча и Аксельрода, подробно выясняющие ход событий того времени³⁹. Поэтому мы ограничимся лишь освещением роли Плеханова, с одной стороны, и Лаврова, с другой, в этих событиях, а также выяснением тех задач, которые Плеханов и его политические друзья ставили перед собой, вступая в переговоры с народovolьцами.

Напомним прежде всего о том, что переговоры эти начались весной 1881 г., когда Плеханов, как мы уже знаем, жил в Париже и не имел личного общения со своими друзьями, оставшимися в Швейцарии. Несомненно, что уже тогда между ним и другими чернопеределъцами обнаруживалось разногласие в вопросе о сближении с «Народной Волей». Плеханов относился к этому сближению с некоторым скептицизмом, чуждым его друзьям, увлеченным успехами народovolьцев. Весьма показательно в этом отношении письмо Плеханова к Лаврову, написанное 31 октября 1881 г., т. е. вскоре после возвращения Плеханова из Парижа в Швейцарию. «Настроение моих женевских товарищей, — сообщает Плеханов, — не особенно радует меня. Оно может быть формулировано словами: «соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгнемся, сколько возможно». История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней»⁴⁰.

Плеханов лучше, чем его политические друзья, понимал, что разногласия, отделяющие его и их от народovolьцев, «вовсе уже не так незначительны»⁴¹. Поэтому он сильно колебался, прежде чем дать свое согласие на вхождение в редакцию народovolьческого журнала. В публикуемом ниже письме к Лаврову, написанном в начале 1882 г. по ознакомлении с составленной Лавровым программой проектируемого журнала, Плеханов формулирует те мотивы, которые препятствуют ему принять предложение народovolьцев, хотя он и не отказывается быть сотрудником их журнала. Прежде всего он указывает, что в отличие от народovolьцев он не «самобытник» (это место его письма мы уже цитировали выше); затем выражает сомнения относительно кандидатуры Кравчинского в члены редакции будущего журнала. «Сергей Михайлович, — пишет Плеханов, — анархист или вернее федералист, по его собственным словам. Я — не то, не другое»⁴². Наконец в качестве третьего — и самого важного — мотива Плеханов указывает на то, что народovolьцы стремятся не к народной революции, а к государственному перевороту при помощи заговора. «Я хотел бы, — пишет Плеханов, подобно правoverным народникам отрицательно относившийся к якобинству и бланкизму, — чтобы они от таких невозможных планов совершенно отказались».

Как ни вески были аргументы, приводимые Плехановым против принятия предложения народovolьцев, они не подействовали на его политических друзей. В. Засулич и Л. Дейч настаивали на том, чтобы Плеханов дал согласие на участие в редактировании народovolьческого журнала, и Плеханов счел нужным подчиниться их мнению.

«Я думаю, — писал он Лаврову, — что партия имеет полное право указать своему

члену тот образ деятельности, который она находит наиболее для него подходящим. Человек, имеющий понятие о дисциплине, не может поступить по своему личному умозрению в том случае, когда это умозрение идет вразрез с мнением его товарищей. Это — большая посылка. Я человек, причисляющий себя к социально-революционной партии, желающий подчиниться всем требованиям дисциплины — посылка меньшая. Вывод отсюда ясен. Я отдаю вопрос о соредакторстве в «Вестнике Народной Воли» на решение своих товарищей. Вы, Евгений [Л. Г. Дейч], Вера [Засулич] и др. должны произнести окончательный приговор по этому делу. Я подчинюсь ему во всяком случае»⁴³.

Замечательная по ясности и логичности мотивировка, данная в только что цитированном письме Плеханова, показывает, что он уже тогда правильно понимал значение партийной дисциплины и в случаях разногласий со своими политическими друзьями умел подчинять свое «я» воле и желанию коллектива.

Почему же друзья Плеханова так упорно настаивали на принятии Плехановым редакторских обязанностей? Какие цели преследовали они, подталкивая Плеханова на сближение с «Народной Волей»? «Конечно, — отвечает на эти вопросы Аксельрод, — мы при этом надеялись, что нам удастся в конце концов настолько повлиять на народовольцев, что они согласятся придать своему органу социал-демократический характер и направление»⁴⁴. То же самое подтверждает и другой участник переговоров с народовольцами — Л. Дейч. По его словам, он и его друзья надеялись, что «народовольцы волей-неволей, вопреки собственному желанию, под влиянием заграничного своего журнала, начнут постепенно поддаваться проповеди марксистских взглядов, которые Плеханов будет проводить в своих статьях»⁴⁵.

Несомненно, что и Плеханов до известной степени разделял надежды своих друзей на возможность переубедить народовольцев и заставить их принять теорию Маркса. «Мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть «народовольчество» на надлежащую дорогу», писал он Лаврову весной 1882 г., добавляя, что он признается в этом только одному Лаврову⁴⁶.

Однако такие намерения и расчеты Плеханова и его друзей не могли оставаться секретом для народовольцев⁴⁷. Да при этом Плеханов и не очень заботился о сохранении их в тайне. Когда за границу приехал Лев Тихомиров и между ним и Плехановым начались переговоры относительно будущего журнала, Плеханов счел необходимым открыто заявить Тихомирову о своих социал-демократических убеждениях, которые позволяют ему «не насилуя себя, работать только в социал-демократическом журнале». Тихомиров ответил на это признание советом «сначала подготовить русского читателя к усвоению социал-демократических взглядов и только потом, когда это будет сделано, выставлять перед ними социал-демократическую программу». «В виду этого, — рассказывает Плеханов, — мы решили, что наш будущий журнал временно объявит себя социал-демократическим, но сделает это лишь после того, как ему удастся рассеять анархические предрассудки нашей читающей публики». «Слово социал-демократ, — поясняет при этом Плеханов, — было тогда в нашей революционной среде обидным, почти бранным словом»⁴⁸.

Трудно допустить, чтобы Тихомиров был вполне искренен в этом разговоре с Плехановым. При его резко отрицательном отношении к германской социал-демократии он конечно не мог дать серьезное согласие на превращение народовольческого журнала в социал-демократический. Однако, с другой стороны, ему не хотелось идти на открытый разрыв с такой крупной литературной и революционной силой, какой уже в то время был Плеханов. Повидимому Тихомиров рассчитывал, что в редакции нового журнала, состоящей из него самого, Плеханова и Лаврова (кандидатура Кравчинского к этому времени отпала), большинство будет на стороне его, а не Плеханова, и что таким образом Плеханов не сможет изменить физиономию журнала.

При таких условиях громадное значение приобретала позиция, которую во всем этом деле займет Лавров. Мы упоминали уже выше о том, что в 1881 г. Лавров относился к «Народной Воле» если не вполне отрицательно, то с большой дозой скептицизма. Бывшие чернопередельцы хорошо знали это и даже были готовы преувели-

чивать степень расхождения его с этой партией. «Он менее чем кто-либо другой из заграничных согласен с программой «Народной Воли» и способен пойти на компромиссы», писал про Лаврова Дейч Я. Стефановичу в марте 1882 г.⁴⁹ Казалось, что это заключение вполне подтверждается отношением Лаврова к переговорам, которые бывшие чернопередельцы вели с народовольцами. Лавров находил, что во время этих переговоров чернопередельцы сделали народовольцам чрезмерно много уступок⁵⁰. Не согласился он и с той программой будущего журнала, которую составили Плеханов и Тихомиров⁵¹. Взамен ее он прислал им свою собственную программу, которая по видимому и была принята его товарищами по редакции, после некоторых поправок. Все это давало основание предполагать, что Лавров будет твердо вести свою линию и не пойдет на поводу у Л. Тихомирова. Однако действительность показала совершенно другое. Когда между Плехановым и его друзьями, с одной стороны, и народовольцами, с другой, произошел полный разрыв, Лавров не только не оказал Плеханову поддержки, но остался в редакции «Вестника Народной Воли» и выступил на страницах этого журнала против Плеханова. Мы имеем в виду его рецензию на брошюру Плеханова «Социализм и политическая борьба». Заявив, что нападкам Плеханова на «Народную Волю» могут быть противопоставлены «весьма веские возражения», Лавров однако уклонился от указания на эти возражения. «Нам, — писал он, — нет ни досуга, ни охоты посвящать долю нашего издания на полемику против фракций русского революционного социализма, считающих, что для них полемика с «Народной Волей» более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплуататорами русского народа»⁵². Конечно в этом выпаде раздражения было гораздо больше, нежели логики, и это служило доказательством, что Лавров и его товарищ по редакции Л. Тихомиров хорошо понимали силу удара, нанесенного «Народной Воле» брошюрой Плеханова.

Как же могло случиться, что Плеханов и его друзья так жестоко ошиблись в своих расчетах на Лаврова? Что побудило его солидаризоваться с Тихомировым и стать под знамя «Народной Воли»?

Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо обратить внимание на переоценку Плехановым и его друзьями степени идейной близости к ним Лаврова. Если в 1880—1883 гг. Плеханов и его друзья быстро продвигались по направлению к марксизму, то Лавров попрежнему продолжал оставаться убежденным народником.

В 1882 г. в статье «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма», напечатанной в «Календаре Народной Воли», Лавров писал: «Крестьянство русское сохранило гораздо более первобытную традицию общинного землевладения, чем на Западе Европы, и из всех разрушительных влияний на русскую земледельческую общину сильно было лишь одно правительственное влияние, стремившееся обратить общину в фискальный орган администрации». И далее: «Русское крестьянство сохранило в себе гораздо более живых сил, а потому и элементов самостоятельной организации, чем крестьянство западное, так как города не высасывали из него, как на Западе, всех наиболее энергических и развитых личностей, но оставались лишь местами временных заработков и центральными рынками».

Приведенные только что слова Лаврова свидетельствуют, что в начале 80-х годов он продолжал стоять на той же наивно-народнической точке зрения, что и десятью годами раньше. Развивалась русская промышленность, рос рабочий класс, волна стачечного движения достигла значительной высоты, создавались первые рабочие организации, капитализм проникал в деревню, среди крестьянства происходила резкая классовая дифференциация, общинные «устои» начинали расшатываться, а Лавров ничего этого не замечал и утверждал, что если поземельной общине и угрожает опасность, то исключительно со стороны одного государства. Ясно, что при таких условиях он стоял гораздо ближе к народовольцам, чем к Плеханову. Тихомиров и Ошанина, очутившись за границей, прекрасно учли это обстоятельство и сумели привлечь Лаврова на свою сторону.

Надо отметить и еще одно обстоятельство, способствовавшее сближению между ними. Это — горячая приверженность Лаврова к идее объединения всех русских революцион-

ных сил того времени. В статье «Несколько слов об организации партии», напечатанной в № 3 «Черного Передела», Лавров выступил на защиту этой идеи, доказывая, что общая цель — осуществление «принципов революционного социализма» — объединяет всех русских революционеров «в одну партию», а существующие между ними разногласия не имеют настолько серьезного характера, чтобы они исключали возможность объединения. Считая «Народную Волю» наиболее сильной из существующих организаций, Лавров приходил к выводу, что объединение революционеров должно происходить под ее знаменем. «Мне кажется, — писал он Аксельроду 14 апреля 1882 г., — что в данную минуту выбора нет: для борьбы сообща с общим врагом приходится забыть все частные разногласия и сплотиться в одно целое. Каковы бы ни были ошибки и недостатки нынешних руководителей партии, история поставила во главе движения никого другого, а их⁵³, и никакие логические доказательства большей разумности иных направлений делу не помогут»⁵⁴.

Эти слова Лаврова служат прекрасным объяснением его политической позиции в 1881 — 1883 гг.

V

Если для нас теперь становится совершенно ясным, почему не оправдались и не могли оправдаться надежды Плеханова и его друзей на Лаврова, то остается еще один вопрос, на который необходимо ответить: как могли Плеханов и его друзья не понять своевременно ошибочности своих расчетов на Лаврова.

Несмотря на громадную историческую роль группы «Освобождение Труда» и на заслуги ее по проведению идей Маркса в русскую революционную среду, в программе этой группы были, как известно, некоторые пункты, ошибочные и неприемлемые с точки зрения революционного марксизма. Одним из таких пунктов была переоценка роли интеллигенции, допускавшаяся Плехановым и его политическими друзьями. Эта переоценка проявилась в программе группы, опубликованной в 1884 г. Освобождение рабочих от власти капитала рассматривается в ней не столько как дело самих рабочих, сколько как дело «социалистической интеллигенции». На этой интеллигенции лежит «обязанность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями»⁵⁵.

Переоценка роли интеллигенции сказалась и на отношении Плеханова и его товарищей к Лаврову и народолюбцам. Плеханов неоднократно подчеркивал непоследовательность народолюбцев и противоречие между их теорией и практикой. На практике «Народная Воля», выдвинувшая на первый план политическую борьбу и направившая на нее все свои силы, была, по его мнению, «полным отрицанием бакунизма и народничества»; теоретически же она была «как нельзя более далека от полного разрыва с ними»⁵⁶. Но если дело сводится исключительно к непоследовательности и к недостаточной продуманности программы, то беда легко поправима: стоит только открыть глаза народолюбцам на их теоретические ошибки. Отсюда — стремление Плеханова и его друзей убедить народолюбцев в том, что они «почти что сами являются марксистами»⁵⁷, отсюда же их попытка уговорить народолюбцев опереться на научный социализм. Уже после окончательного разрыва с народолюбцами, когда, казалось бы, вполне выяснилось, насколько путь, которым идут последние, расходится с путем избранной группой «Освобождение Труда», Плеханов в письме к Лаврову (весна 1884 г.) выражал уверенность в будущем объединении всей русской революционной партии, — объединении, которого он, по его словам, желает всей душой. «Буду надеяться, — писал он Лаврову, — что все наши недоразумения и несогласия исчезнут перед непобедимой логикой жизни»⁵⁸. Один из биографов Плеханова, поставленный в тупик этим письмом Плеханова, выражает уверенность, что надежда на объединение, выраженная в нем, являлась простой, ни к чему не обязывающей вежливостью. «Я говорю, — утверждает он, — что это сказано из чувства деликатности, ибо такое единство, которого желал Плеханов, явно было утопично. Для марксиста Плева-

нова «непобедимая логика жизни» утверждала марксизм, а единство и согласие в марксизме для его противников было исключено заранее. Да и к тому же: всякий разговор об объединении в 1884 г. после «Социализма и политической борьбы», после яростных публичных выступлений, разоблачающих утопизм народничества и самобытный российский социализм, — был разговором всуе. В это время речь должна была быть о том, кто сложит оружие, ибо борьба уже была начата»⁵⁹. Полагаем, что с таким объяснением письма Плеханова согласиться нельзя. Действительно надежда на объединение в то время была утопична. Но разве мало пережитков утопизма сохранялись еще в то время в политических взглядах Плеханова и его друзей? Разве не утопична была надежда на «государственную помощь производительным ассоциациям», которую мы находим в программе группы «Освобождение Труда»? Разве не пережитком утопизма было признание той же программой «необходимости террористической борьбы против абсолютного правительства»⁶⁰.

Доказательство того, что надежда на объединение в 1884 г. не казалась еще Плеханову утопичной, мы находим в другом его письме к Лаврову, относящемся почти к тому же времени. Это, письмо было опубликовано в виде предисловия к брошюре Плеханова «Наши разногласия». Вот что писал в нем между прочим Плеханов: «Мы думаем, что партия «Народной Воли» обязана на⁶¹ статью марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором оно находится в настоящее время»⁶².

Если бы Плеханову в 1884 г. действительно удалось избавиться от всех следов утопизма, он конечно не мог бы написать только что приведенной фразы; он понимал бы тогда, что «Народная Воля» не только не «обязана», но и не может стать марксистской партией.

Пережитки утопизма, продолжавшие сохраняться в мировоззрении Плеханова в 1881 — 1884 гг., не давали ему возможности ориентироваться с полной точностью в революционной конъюнктуре того времени и придерживаться безошибочной тактики, а это не могло не отразиться и на его взаимоотношениях с Лавровым и народо-вольцами. Сближаясь с ними, Плеханов (в значительной мере под давлением своих политических друзей) ставил перед собою явно утопическую задачу, и нет ничего мудреного в том, что ему не удалось добиться ее разрешения.

VI

Итак, в 1883 г. дороги Плеханова и Лаврова разошлись в разные стороны. Это отразилось и на их личных взаимоотношениях. От прежней дружбы их не осталось и следа. Переписка между ними, как мы отметили выше, почти совершенно прекратилась. Только изредка они обменивались письмами.

Лавров, как и Л. Тихомиров, хорошо понимали, какого серьезного врага они имеют в лице группы «Освобождение Труда», и этим всецело определялось их отношение к Плеханову и его товарищам.

«С группой Освобождение Труда» (которая также называет себя социал-демократами) мы никакого дела не имеем ввиду ее в высшей степени предосудительного отношения к «Народной Воле», писали Лавров и Л. Тихомиров в 1885 г. петербургской народо-вольческой рабочей группе⁶³.

Казалось бы, что такое отношение Лаврова и Тихомирова к Плеханову и его друзьям, не бывшее конечно тайной для последних, не оставляло никаких надежд на возможность сближения между этими двумя враждующими группами. Однако несмотря на это, Плеханов и его друзья делают еще несколько попыток договориться с Лавровым о совместной работе.

Первая по времени из этих попыток относится к 1888 г. Правда ей предшествовала еще одна попытка сплочения представителей всех течений, существовавших в то время в эмигрантской среде, для издания журнала в целях борьбы против русского абсолютизма. Однако на этой попытке мы не будем останавливаться, так как инициатива ее исходила от человека, постороннего революционному движению, — конституционалистски

настроенного адвоката Н. И. Кулябко-Корецкого. Плеханов и его друзья соглашались на сотрудничество в проектируемом Кулябко-Корецким журнале; Лавров же отказался. Убедившись, что добиться соглашения различных эмигрантских групп ему не удастся, Кулябко-Корецкий отказался от своего намерения⁶⁴.

В 1887 г. русские эмигранты, проживавшие в Цюрихе, организовали «Союз социалистического литературного фонда», ставивший своею задачею издание социалистической литературы. В Союз входили, с одной стороны, молодые народovolьцы (Дембо, Гнатовский, Бек и др.), а с другой — эмигранты, тяготевшие к группе «Освобождение Труда» (Г. Гукowski, Соловейчик и др.). Редактором изданий Союза был приглашен Лавров; ему принадлежало решающее слово в выборе литературы, принимаемой Союзом к изданию. Союз обратился с предложением о сотрудничестве между прочим и к Плеханову. Плеханов предложил к изданию свою работу о Лассале и сделанный им перевод брошюры Геда и Лафарга «Программа рабочей партии». Лавров, на рассмотрение которого было передано это предложение, сообщил, что он считает необходимым в первую очередь издать брошюру Каутского «Экономическое учение К. Маркса» в переводе Н. С. Русанова. При ограниченности денежных средств Союза это решение сводилось к тому, что издание брошюр, предложенных Плехановым, откладывалось надолго. Недовольные этим марксисты — члены Союза — потребовали лишения Лаврова редакторских прав и предоставления денежных средств Союза попеременно в полное распоряжение то Лаврову, то группы «Освобождение Труда»⁶⁵. Под влиянием этого в рядах Союза начались горячие распри. В июне 1888 г. под давлением марксистской части членов Союза Дембо (Бринштейн) был вынужден обратиться к Плеханову с просьбой принять ближайшее участие в делах Союза. Как видно из печатаемого ниже ответного письма Плеханова, последний заинтересовался предложением Дембо и рекомендовал ему обратиться к проживавшему в Цюрихе Аксельроду для оформления соглашения между Союзом и группой «Освобождение Труда». «Я с удовольствием готов сделать все, что можно для соглашения с П. Л. Лавровым относительно фонда, — писал Плеханов Дембо. — Вы можете быть вполне уверены в том, что я и все мои товарищи считаем необходимым как можно более сблизиться с вашими товарищами: такое теперь время».

Почему же Плеханов считал, что в 1888 г. наступило подходящее время для сближения группы «Освобождение Труда» с народovolьцами? Ответ на это мы находим в письмах Аксельрода к Лаврову и Эдуарду Бернштейну⁶⁶. Ренегатство Л. Тихомирова произвело громадное впечатление на русскую эмиграцию того времени. Члены группы «Освобождение Труда» рассматривали этот факт как имеющий симптоматическое значение. В ренегатстве Тихомирова они видели логический вывод из «нашего славянофильского социализма, словом, народничества», как выражался Аксельрод, «Переход Тихомирова в лагерь реакции, — писал Аксельрод Бернштейну, — лишь по форме был единичным явлением, по существу же в этом сказывалась тенденция, которая в то время была довольно сильно распространена, — точнее говоря, господствовала в наших демократических кругах. А именно, это было стремление совершенно покинуть революционную почву и ограничиться легальной «культурной работой», т. е. совершенно очистить поле политической борьбы». Плеханов и его товарищи считали необходимым бороться против таких ликвидаторских течений и находили нужным в этих целях объединение всех «представителей прежнего революционного поколения» для отпора «шатаниям значительной части демократии». Из этих соображений они и исходили, вступая в переговоры с Дембо. Результатом этих переговоров было письмо Аксельрода к Лаврову (от 16 августа 1888 г.) с предложением войти в состав редакции издававшейся в то время группой «Освобождение Труда» серии социалистических изданий под названием «Библиотека современного социализма».

Обращение Аксельрода не встретило сочувствия со стороны Лаврова, который отнюдь не разделял взгляда Аксельрода и его политических друзей на ренегатство Тихомирова, считая этот «эпизод» «чисто личным» и не стоящим «ни в какой связи с программой групп». В своем ответе Аксельроду Лавров указывал, что хотя он и признает объединение русских революционных сил делом чрезвычайной важности, тем

не менее итти на соглашение с членами группы «Освобождение Труда» считает для себя невозможным в виду нетоварищеских, по его мнению, форм полемики против представителей других течений революционной мысли, допускаемых членами группы, особенно же Плехановым. «Источник опасного разлада между русскими социалистами-революционерами, — писал Лавров Аксельроду, — по моему мнению, не в разнице теоретических и практических программ, которая вовсе не так значительна, чтобы безусловно мешала сближению и взаимной помощи на серьезном деле в России. Он лежит в личных раздорах, питаемых преимущественно формой литературной полемики»⁶⁷.

Несмотря на отказ Лаврова, члены группы «Освобождение Труда», на этот раз в лице Плеханова, в 1889 г. вновь обращаются к Лаврову с просьбой, о «литературной поддержке». «На первый раз» они просили Лаврова написать для издававшегося «Социал-Демократа» воспоминания о Н. Г. Чернышевском. Лавров и на этот раз ответил отказом, ссылаясь на недостаточно близкое знакомство свое с Чернышевским⁶⁸.

В 1889 г. имела место еще одна, более удачная, чем прежние, попытка объединения эмигрантских литературных сил. На этот раз инициатива исходила не от группы «Освобождение Труда», а со стороны одного из членов цюрихского народовольческого кружка Ю. Г. Раппопорта⁶⁹, который составил программу нового революционного журнала и послал ее Плеханову с просьбой принять участие в этом литературном предприятии. Плеханов нашел, что программа Раппопорта «почти целиком списана с нашей», как он выразился в письме к Аксельроду, и вследствие этого согласился на предложение Раппопорта. Не менее удачным было и обращение последнего к Лаврову. Хотя Лавров и нашел, что в программе Раппопорта «много влияния плехановщины», тем не менее он не хотел отталкивать от себя народническую молодежь. «Так как приходится теперь снова отстаивать социализм, как 16 лет тому назад, то я в содействии (впрочем, небольшом) не откажу», писал Лавров С. М. Гинзбург, сообщая о предприятии Раппопорта⁷⁰.

В результате всех этих переговоров в 1889 г. вышел № 1 журнала «Социалист» (так Раппорт назвал основанный им журнал), в котором на ряду со статьями Лаврова и других народовольцев (Русанова, Э. Серебрякова) были напечатаны произведения Плеханова и Аксельрода.

Однако и эта попытка объединения оказалась непрочной. Попавший в Париж Раппорт настолько поддался влиянию Лаврова, что Плеханов и Аксельрод оказались вынужденными уклониться от дальнейшего участия в его предприятии. № 2 «Социалиста» так в свет и не вышел.

Следующая — и последняя — попытка объединения стояла в связи с ужасным голодом, пережитым Россией в 1891—1892 гг. Среди русских эмигрантов и молодежи, учащейся за границей, производились денежные сборы в пользу голодающих. Аксельрод, которому этот момент казался «особенно благоприятным для массовой агитации против самодержавия»⁷¹, выступил в качестве инициатора создания «Общества борьбы с голодом». В конце 1891 г. ему удалось организовать это общество в Цюрихе. Общество борьбы с голодом ставило своей задачей «агитацию в пользу политической свободы» и собиралось для этой цели «содействовать созданию, переправке и распространению в России соответственной литературы среди всех слоев населения, обращаясь за помощью ко всем оппозиционным элементам». В декабре 1891 г. Общество борьбы с голодом обратилось к Лаврову с предложением «составить не особенно больших размеров брошюру, которая выявила бы задачи русского революционера в виду переживаемого кризиса»⁷². Лавров ответил на это предложение отказом, ссылаясь на то, что, в отличие от программы цюрихского Общества, он стоит «не только на точке зрения «конституции», а самым определенным образом на точке зрения социализма»⁷³. Этот ответ не охладил однако желания организаторов цюрихского Общества привлечь к своему делу Лаврова. В январе 1892 г. Аксельрод отправился в Морнэ, деревушку близ Женевы, где в то время жил Плеханов, и уговорил его съездить в Париж для личных переговоров с Лавровым и его товарищами. Однако и эта поездка не привела ни к чему. Лавров и парижские народовольцы дали

Плеханову весьма уклончивый ответ, свидетельствующий о их нежелании налаживать какую-либо совместную работу с группой «Освобождение Труда».

Тем не менее поездка Плеханова не осталась безрезультатной; на этот раз он окончательно убедился, что объединение с Лавровым и его друзьями невозможно, да если бы и было возможно, не принесло бы никакой пользы. Это видно из письма Плеханова В. И. Засулич, посланного из Парижа под непосредственным впечатлением от встреч с Лавровым и народовольцами. «Они совсем поросли мохом», — писал Плеханов, отмечая вместе с тем, что это не препятствует им стараться «как можно дороже продать свои мертвые души». «Признаюсь, я мало и пожалел бы, если бы эти живые мощи остались за штатом», резюмировал Плеханов результат своих парижских впечатлений⁷⁴.

Если раньше, полемизируя против народовольцев, Плеханов избегал резких выражений по отношению к Лаврову, то теперь он уже перестал стесняться в этом отношении. Теперь он уже изображает Лаврова как эклектика, во взглядах которого, «как в земной коре при вертикальном ее разрезе замечается целый ряд постепенно образовавшихся наслоений»⁷⁵. Теперь он отзываясь о Лаврове, всерьез считавшем себя представителем «научного социализма», как об одном «из последних могикан утопического социализма»⁷⁶. Что касается Лаврова, то и он переходит в нападение. Забыв о своем отвращении к полемике, он дает на страницах редактируемых им «Материалов по истории социально-революционного движения в России» место злостным нападам «Старого народовольца» (псевдоним Е. Г. Левита) на группу «Освобождение Труда».

В 1898 г. бернская группа русских эмигрантов устраивала праздник в честь Лаврова. Устроители предложили Л. И. Аксельрод принять участие в празднике и выступить с речью о Лаврове. Аксельрод обратилась за советом к Плеханову. Последний ответил, что он считает допустимым выступление Аксельрод только при условии, если ей будет предоставлена возможность «не скрывать от публики своего взгляда на Лаврова как на человека отсталого в теоретическом отношении». «Безусловно хвалить Лаврова, — пояснял свой совет Плеханов, — теперь нельзя: его имя, вместе с именем Михайловского, скоро делается знаменем умственной реакции в революционной среде»⁷⁷.

Так бывшие друзья окончательно превратились в непримиримых врагов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перепечатаны в книге Л. Дейча «Г. В. Плеханов», вып. 1, М., 1922 г.

² Три из них появляются в печати впервые, четвертое же было уже напечатано в одном малораспространенном издании.

³ Стр. 97. Ранее это письмо было опубликовано в эмигрантском сборнике «Из архива П. Б. Аксельрода», Берлин, 1924 г., стр. 41—42, но там оно было воспроизведено по копии, не имеющей подписи, и вследствие этого автор письма не был установлен.

⁴ Яркое и содержательное описание одного такого собрания и выступления на нем Плеханова мы находим в воспоминаниях Н. С. Русанова «На родине», М., 1931 г., стр. 149—151.

⁵ Плеханов, Г. В., Русский рабочий в революционном движении. — Сочинения, т. III, стр. 140—141.

⁶ Плеханов, Г. В., О социальной демократии в России. — Сочинения, т. IX, стр. 11.

⁷ Лавров, П. Л., Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925, стр. 271.

⁸ Дейч, Л. Г., Русская революционная эмиграция 70-х годов. П., 1920, стр. 50. Ср. его же, «За полвека». Берлин, 1923 г., стр. 283.

⁹ Плеханов, Г. В., Предисловие к русскому изданию книги А. Туна. — Сочинения, т. XXIV, стр. 88.

¹⁰ Плеханов, Г. В., Об чем спор? — Сочинения, т. X, стр. 402, 404, 405. Подчеркнуто Плехановым.

¹¹ Сочинения, т. I, стр. 105—107.

¹² Передовая статья из № 1 «Черного Передела». — Сочинения, т. I, стр. 115.

¹³ Там же, стр. 120.

¹⁴ Там же, стр. 115.

¹⁵ П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. II, М., 1934 г., стр. 30.

- ¹⁶ Передовая из № 34 газеты «Вперед».
- ¹⁷ Избранные сочинения, т. III, стр. 347.
- ¹⁸ Так именно понимал точку зрения Лаврова Плеханов. — Сочинения, т. XXIV стр. 86.
- ¹⁹ «Дела и Дни», 1921 г., № 2, стр. 83.
- ²⁰ В виду больших размеров статьи, написанной Лавровым, она не была помещена в «Черном Переделе» полностью. Редакция его ограничилась краткими извлечениями из этой статьи.
- ²¹ Аксельрод, П. Б., Пережитое и передуманное. Берлин, 1923 г., стр. 422.
- ²² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. I, стр. 138.
- ²³ Интересные письма к нему распрогандированным им рабочим, написанные после возвращения его в 1917 г. в Россию, опубликованы в № 3—4 «Звеньев», М.—Л., 1934 г., стр. 725—738. По этим письмам можно судить, насколько ценили Плеханова рабочие-семидесятники, с которыми ему приходилось иметь дело.
- ²⁴ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIV, стр. 92.
- ²⁵ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIV, стр. 178.
- ²⁶ Подчеркнуто Плехановым.
- ²⁷ Подчеркнуто мною. — Б. К.
- ²⁸ Повидимому это было известно Лаврову из разговоров, которые вел с ним во время своей жизни в Париже Плеханов.
- ²⁹ Подчеркнуто мною. — Б. К.
- ³⁰ Подчеркнуто Плехановым.
- ³¹ Из его письма к Лаврову весной 1882 г. «Дела и Дни», 1921 г., № 2, стр. 91.
- ³² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. I, стр. 151.
- ³³ Дейч, Л., Г. В. Плеханов. Вып. 1, М., 1922 г., стр. 65.
- ³⁴ «Дела и Дни» 1921 г., № 2, стр. 86.
- ³⁵ Л. Дейч. Названное сочинение, стр. 61.
- ³⁶ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XIII, стр. 25.
- ³⁷ «Историко-революционный сборник», т. II, Л., 1924 г., стр. 409.
- ³⁸ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XIII, стр. 28.
- ³⁹ Плеханов, Г. В., Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли». — Сочинения, т. XIII, стр. 23—33; Дейч, Л., О сближении и разрыве с народовольцами. — «Пролетарская Революция» 1923 г., № 7; Аксельрод, П., Пережитое и передуманное. Берлин, 1923 г., гл. XVI.
- ⁴⁰ «Дела и Дни» 1921 г., № 2, стр. 86.
- ⁴¹ Там же, стр. 90.
- ⁴² В другом письме к Лаврову Плеханов писал о Кравчинском: «он что-то вроде прудониста, я — не понимаю Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов сделать из «Капитала» Прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли». Далее в том же письме Плеханов писал: «Я теперь решительный противник федерализма; по моему, лучше якобинство, чем эта мелкобуржуазная реакция («Дела и Дни» 1921 г., № 2, стр. 90—91). Необходимо отметить, что в вопросе о федерализме и централизме Плеханов в то время расходился и со своими товарищами по «Черному Переделу». 17 марта 1882 г. Дейч писал Аксельроду: «У нас здесь с Жоржем совсем разные взгляды насчет федерализма и централизма. Мы проспорили два дня чуть не на ножах. Жорж по обыкновению страшно горячился, доказывая, что нужно стоять «за единую и нераздельную Россию». Сборник «Группа Освобождение Труда», № 1, стр. 149.
- ⁴³ «Дела и Дни» 1921 г., № 2, стр. 90. Подчеркнуто самим Плехановым.
- ⁴⁴ П. Аксельрод. Названное сочинение, стр. 424.
- ⁴⁵ Дейч, Л., О сближении и разрыве с народовольцами. — «Пролетарская Революция» 1923 г., № 8, стр. 7. В письме к товарищам, находившимся в России, Л. Дейч в 1883 г., уже после разрыва с народовольцами, писал: «Для нас конечно важно было участие в «Народной Воле» в том случае, когда мы так или иначе могли бы влиять на внесение тех или других поправок, изменений как в их теоретической программе, так и в практических их задачах. Но, раз это оказывалось невозможным, для нас пропал всякий смысл присоединяться к ним». — «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник I, М., 1934 г., стр. 230.
- ⁴⁶ «Дела и Дни» 1921 г., № 2, стр. 90.
- ⁴⁷ Еще весной 1882 г. проживавший в Женеве народовец В. И. Иохельсон (Голдовский) протестовал против принятия бывших чернопередельцев в «Народную Волю», «ссылаясь между прочим на то, что Плеханов и его друзья рассчитывают, «войдя в состав «Народной Воли»... коренным образом изменить программу и образ действия этой партии». См. письмо Иохельсона в «Историко-революционном сборнике», вып. II, Л., 1924 г., стр. 402—403.
- ⁴⁸ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XIII, стр. 30—31.
- ⁴⁹ Сборник «Группа Освобождение Труда», № 1, стр. 166.

- ⁵⁰ Тот же сборник, № 3, стр. 151; письмо Дейча Аксельроду от 17 марта 1882 г. Ср. Дейч, Л., О сближении и разрыве с народовольцами. — «Пролетарская Революция» 1923 г., № 8, стр. 18.
- ⁵¹ Тот же сборник, № 3, стр. 167.
- ⁵² «Вестник Народной Воли». Женева, 1884 г., № 2, стр. 65.
- ⁵³ Подчеркнуто Лавровым.
- ⁵⁴ «Из архива П. Б. Аксельрода». Берлин, 1924 г., стр. 30.
- ⁵⁵ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. II, стр. 360.
- ⁵⁶ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. IX, стр. 19.
- ⁵⁷ Дейч, Л., О сближении и разрыве с народовольцами. — «Пролетарская Революция» 1923 г., № 8, стр. 16.
- ⁵⁸ «Дела и Дни» 1921 г., № 2, стр. 99.
- ⁵⁹ Ваганян, В., Г. В. Плеханов. М., 1924 г., стр. 87. Подчеркнуто им.
- ⁶⁰ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. II, стр. 361.
- ⁶¹ Подчеркнуто Плехановым.
- ⁶² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. II, стр. 105.
- ⁶³ «Историко-революционный сборник», т. II, Л., 1924 г., стр. 85.
- ⁶⁴ См. Кулябко-Корещкий, Н. И., Эмигранты и наивный миротворец. — Сборник «Группа Освобождение Труда», № 2, М., 1924 г.
- ⁶⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I, М., 1934 г., стр. 232—233. Письмо Г. Гуковского Плеханову.
- ⁶⁶ Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 34—35. Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, М., 1925 г., т. I, стр. 240—241.
- ⁶⁷ Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 36—41.
- ⁶⁸ «Литературное Наследство» 1933 г., № 7—8, стр. 97 и 115.
- ⁶⁹ Материалы относительно этой попытки см. «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 109—115; «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 58—67.
- ⁷⁰ «Каторга и Ссылака» 1928 г., № 2, стр. 45—46.
- ⁷¹ Слова из его письма Эд. Бернштейну. — «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 241.
- ⁷² «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 117—118.
- ⁷³ Там же, стр. 119. Подчеркнуто Лавровым.
- ⁷⁴ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 76.
- ⁷⁵ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. IX, стр. 6.
- ⁷⁶ Там же, стр. 330.
- ⁷⁷ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I, стр. 287.

1. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ¹
 Многоуважаемый Петр Лаврович!

Вчера я получил Вашу записочку, в которой Вы предлагаете мне прислать мою статейку, приготовленную мною для Herald². Перечитавши теперь эту статейку, я, признаться, остался очень не доволен ею. Придется многое переделать и добавить. Так что, если по Вашему мнению стоит отложить на время работу для „От. Зап.“, то я сяду за эту статейку, если же Вы находите, что помещение ее — дело более или менее гадательное, то лучше уж ее и не касаться. Напишите мне пожалуйста об этом. Блунчли я получил и очень благодарен Вам за него. Он даст мне много материалу. Вы конечно уже получили от Евгения³ „Зерно“⁴ и „Черный Передел“⁵ (4-й №). Это все новости, которые он вывез из Базеля и которых мы ожидали с таким нетерпением. Оказалось, что гора родила мышь. Как находите Вы „Зерно“? По-моему неумная газетка, написанная отвратительным языком. Но представьте себе, что эта газетка расходуется, по словам Дм[итро]⁶ в количестве 1000 экземпляров и „очень нравится рабочим“. Дм[итро] человек серьезный и осторожный. Он скорее пессимист, чем оптимист. Поэтому его слова всегда заслуживают в моих глазах доверия. Но теперь результаты издания „Зерна“ так неожиданны, что мне все кажется — нет ли в его словах какого-нибудь недоразумения, нет ли в его письме описки. Но если бы ничего этого не было! Если бы действительно „Зерно“ расходилось в 1000 экземплярах в среде рабочих! Тогда можно было бы сказать, что пролог кончен и драма начинается. Тогда можно было бы сказать, что мы имеем уже наше рабочее движение. Тогда поскорее

запасаться нужными сведениями и *dahin, dahin**, где рабочие нуждаются уже в своей рабочей газете. Мне ведь и раньше казалось, что от рабочих только и можно ждать сколько-нибудь важного и серьезного участия в революционном движении.

Могу сообщить Вам еще некоторые приятные перспективы насчет Русской соц.-рев. Библиотеки¹. За книги, отправленные недавно в Россию в количестве 100 экземпляров, нам обещают в скором времени 150 frs. Кроме того обещают содействие 1) одного московского кружка, составленного в среде очень зеленой молодежи с целью поддержки издания книг за границей, 2) поддержку одного кружка в Одессе. Одного из членов этого кружка я видел здесь и говорил с ним. Он относится к Библиотеке с самым искренним сочувствием и обещает прислать зимой около 200 рублей. Тотчас по получении Вашего последнего письма я спрашивал Евгения — не знает ли он чего насчет поведения на суде чернопередельцев, которые будто бы очень напали на „Народную Волю“? Он отвечал мне, что об этом Дм[итро] не писал ему ничего. Но соединению-то, по его словам, выходки того или другого из подсудимых, если бы таковые и действительно имели место, — соединению они нисколько не повредили. Дм[итро] скоро обещается прислать формулу соединения, под которой он предлагает нам подписаться. Посмотрим, что там такое. Ну пока кажется все.

Пишите, Петр Лаврович, пожалуйста о новых книгах. Все нет, нет — да и куплю какую-нибудь из них. Что Гартманн?⁸ Вы писали Евгению, что Марх сильно болеет. Выздоровел ли он? Скоро кажется буду иметь его „Zur Kritik“, конечно не в собственность, а для прочтения. Затем, пока прощайте, крепко жму Вам руку.

Г. Плеханов

Р. S. Так как я устроился вместе с женою, то письма можно адресовать и прямо на мое имя.

Vaugy - sur - Clarens
10 (?) Novembre 1881

¹ Настоящее письмо, как и все последующие письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову, печатается с подлинника, ныне хранящегося в Институте Маркса — Энгельса — Ленина.

² «Herald» — очевидно сокращенное обозначение «New York Herald» самой крупной в то время нью-йоркской газеты, основанной одним из выдающихся деятелей американской журналистики Беннетом в 1835 г. Газета формально была беспартийная, с уклоном в сторону демократической партии и интересовалась русским революционным движением. По крайней мере обвинительный акт по делу 20 народолюбцев и сведения о процессе посылались по телеграфу специальным нарочным из Тилльзита и Берлина, чтобы избежать русской цензуры (см. «Процесс 20-ти» — «Былое», № 2, Лондон). Сын основателя газеты Беннет дал даже распоряжение не упоминать имени русского даря в своей газете, чувствуя себя оскорбленным русским правительством (см. George Henry Payne, „History of Journalism of the United States“, New-York—London, 1920). В 1924 г. газета слилась с враждовавшей с нею ранее „New York Tribune“, перейдя после смерти Беннета в собственность Munsey (См. W. Bleyer, „Main currents in the history of american journalism“ 1927). П. Л. Лавров был сотрудником N. J. Herald's.

³ Евгений — революционная кличка Л. Г. Дейча, ездившего в конце 1881 г. в Бавель, чтобы повидаться с приехавшим туда из России А. Тило, который должен был передать ему от Исполнительного комитета Народной Воли документы, письма, рукописи и т. д.

⁴ «Зерно» — небольшая популярная газета для рабочих, выпускавшаяся чернопередельцами нелегально в Петербурге. Первый номер вышел 25 октября 1880 г., последний — шестой — в ноябре.

Пять номеров (№ 1, 3, 4, 5 и 6) воспроизведены в «Историко-революционном сборнике» № 2, Л., 1924; а № 2 — в т. XXXVII «Красного Архива», 1929 г.

⁵ «Черный Передел» — теоретический орган чернопередельцев, выходивший с января 1880 г. по декабрь 1881 г. Из пяти вышедших номеров первые два вышли в Женеве.

* Туда, туда.

Александровичу Павлу Лаврову!
Вчера в полдень Павел Лавровский в
камере был предан суду, и судья
сказал много старинных, иррациональных
много для народа. Переговорили
мне с этим Лавровским орденом, и
признаю, вернее всего не доверяю
его. Кандидат меньше передан и
добавил. Мне это, если бы вы
сказали ордена орденом на факт
работы для "Ор. Зай", то в суду
за эту старинную, если бы вы
находили, что помыслили от
Лаврове. Мне меньше подозревал
то лучше вы и не подозревал. Как
лучше вы, помыслили, об этом.
Благодаря я понимаю и очень благодарен
вам за это. Он дал мне
много старинных. Вы, конечно, уже
получили от Станислава "Зерно" и
"Первый партия" (№ 1). Это все
новости, которые он вывел из
Бориса и который мне обрели
судом камеристом. Обрели
это пара работ и много. Как
называет вы "Зерно"? То самое
-первый газетца, или самую
доброту членов Лаврове. Но пред

после чего издание было перенесено в Россию, где к тому времени народники оборудовали тайную типографию (см. Плеханов. Собр. соч., т. XIII, стр. 26).

⁶ Дмитро — революционная кличка Стефановича (1853—1915), чернопередельца, одного из организаторов южного кружка бунтарей, инициаторов попытки устроить крестьянский бунт в Чигиринском уезде при помощи подложной царской грамоты.

⁷ «Русская социально-революционная библиотека» — издательство, которое было образовано в 1880 г. для выпуска социалистических работ всех фракций и оттенков. Г. В. Плеханов принимал вместе с П. Л. Лавровым, Цакни, Павловским и другими очень активное участие в организации этого дела. Его перу принадлежит объявление об издании этой библиотеки (см. Плеханов. Собр. соч., т. I, стр. 137. Ср. также письма Плеханова к Лаврову № 1 и № 2 в сборнике «Дела и Дни» 1921, кн. I, стр. 78).

В издании библиотеки вышли: «18 марта 1871 г.» П. Л. Лаврова, «Сущность социализма» А. Шэфле, пер. В. Тарновского, прим. П. Лаврова, Женева, 1881 г., «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, пер. и пред. Г. Плеханова. Ж., 1882 г., «Наемный труд и капитал» К. Маркса, пер. и пред. Л. Дейча, ред. Плеханова. Ж., 1883 г. и «Программа работников» Лассалья.

⁸ Гартман, Лев Николаевич («Химик») (1850—1913) — участник вместе с Перовской покушения на поезд Александра II под Москвой; после взрыва бежал за границу, в Париже был арестован и должен был быть выдан русскому правительству, но благодаря энергичной агитации русской эмиграции, в частности П. Л. Лаврова, эта выдача не состоялась; Гартман был освобожден и получил возможность переехать в Англию, где был близко знаком с Марксом (см. «Каторга и Ссылка» 1924, № 4). Состоял заграничным представителем «Народной Воли».

2. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Кларан¹ [1881 конец]

Прежде всего о деле финансовом.

Геринг² я вышлю деньги на днях. Теперь полученные мною из редакции разошлись буквально до последнего сантима. Роза³ не получает из дому вот уже второй месяц, понятно, что пришлось сделать здесь, в Кларане, значительные уплаты. Но на днях она получит деньги и я первым делом постараюсь выслать Геринг и Вам, хотя Вы и писали мне, что обойдетесь до следующей полочки. Теперь к другим вопросам.

„Манифест“⁴ я уже переводил, когда ко мне пришел Голдовский⁵ и начал меня упрашивать дать ему Манифест на два дня. Через два дня он будто бы должен получить свой экземпляр из Цюриха и тогда он мне отдаст свой, мой же — отправит сейчас же в Россию. Я поверил ему и отдал ему свой экземпляр. Теперь прошло уже полторы недели, а Голдовский все продолжает удивляться — почему не высылают ему его экземпляр из Цюриха. Господь его знает — есть ли он у него! С одной стороны, я конечно глупо поступил, выпустивши Манифест из рук; а с другой — как было не дать, когда человек заверяет честным словом, что отдаст через два дня? Ох, уж эти нигилисты! Сам я человек чрезвычайно неаккуратный, но насчет книг я держусь несколько иных правил. Для занимающегося человека — книга вещь неприкосновенная, и редкие сочинения положительно не нужно выпускать из дому. Если через несколько дней не получу экземпляр от Голдовского — придется писать самому в Цюрих, или просить Вас о высылке мне Вашего экземпляра⁶. Как только последствия вторжения в мою работу нигилистического вандализма будут исправлены — я очень скоро окончу перевод и примусь за предисловие. Одно нужно сказать — неудобно здесь работать. Полное отсутствие какой-нибудь порядочной библиотеки. А я, живши в Париже, вблизи Bibliothegue National и Ваших книг, ужасно в этом отношении избаловался. Написал ко всем своим знакомым, просил выслать что могут. На днях жду Рикардо. Собственно говоря, и к Вам у меня есть маленькая просьба, но я заранее прошу Вас не исполнять ее, если она хоть немного Вас стеснит. Мне нужно было бы книгу Lange „Mill's Ansichten über die sociale Frage“. Она у Вас

есть и, насколько мне известен ход Ваших работ, она Вам теперь не нужна. Так вот, если это Вас не стеснит — одолжите мне ее на время. Одно меня смущает, — это что Вам приходится довольно дорого платить за пересылку, но я повторяю Вам свою вторую просьбу, — не исполнять первой, если это исполнение Вас затруднит хоть немного. Книга Lange мне нужна вот зачем. Вы знаете, что Ротбертус является противником Рикардо по вопросу о ренте. Его возражения против последнего однако хотя и не имеют решительного характера, но все-таки довольно вески. В 1870 (если не ошибаюсь) году Родбертус задал несколько вопросов „сторонникам теории Рикардо“, — на которые он не получил ответа. Эти вопросы до такой степени ехидны, что невольно становишься втупик. Я чувствую, что Родбертус не прав. Сам мог бы предложить ему несколько вопросов не менее, как мне кажется, ехидных, чем его вопросы „сторонникам Рикардо“. Но открыть логическую ошибку в его доводах, когда он развивает свою теорию ренты, мне пока не удастся. Lange был тоже противником Рикардо, так вот, быть может, сопоставляя их обоих, т. е. Родбертуса и Ланге, я открою их ошибки или окончательно соглашусь с одним из них. Но это последнее могло бы быть лишь с большим трудом. Маркс называет теорию Родбертуса ошибочной, а его авторитет для меня очень важен. Я 100 раз подумаю, прежде чем соглашусь с неодобряемым им взглядом. Кстати, вышло или только что выйдет 3-е немецкое издание „Капитала“?⁷

Как жаль, что мне не пришлось послушать вашей лекции о „Капитализме в России“. Я, как вам известно, держусь того взгляда, что это дело уже решенное, Россия „уже ступила на путь естественного закона своего развития“ и все другие пути — мыслимые быть может для каких-нибудь других стран, для нее закрыты.

Вы писали мне, что Вам пришлось делать много выписок, откуда Вы делали их? Какие источники были в Вашем распоряжении? Напишите пожалуйста об этом в следующем письме. В. В.⁸ человек в высшей степени сомнительный, его данные едва ли достоверны; я убежден, что не успеет он дописать своей последней статьи о невозможности в России капитализма, как этот капитализм будет, как говорится, „ни для кого не тайной“. Евгению я написал. Павлу⁹ напишу.

Пока до свиданья, крепко жму руку, Роза и Поляк¹⁰ просят передать Вам их привет.

Г. Плеханов

Теперь между прочим изучаю английский язык. Купил себе Yvon'a, The prisoner of chillon, но пока разбираю с большим трудом. Как дороги вообще английские книги? Мне придется купить Рикардо на английском языке, а я и понятия не имею об английских ценах.

Был у меня на днях Гинзбург¹¹, спрашивал — как Вы поживаете и между прочим задал мне вопрос, на который я не знал, что отвечать. Он откуда-то знает, что Вы вели переговоры насчет издания „Очерк истории мысли“¹². Он и спросил меня, окончились ли, и в каком смысле, эти переговоры. Я отвечал, что переговоры Вы точно вели, но они еще не окончились и дело кажется откладывается в долгий ящик.

Г. П.

¹ Плеханов вернулся из Парижа осенью 1881 г. и поселился в деревушке Божи под Клараном (см. Дейч, Л. Из карийских тетрадей. — Сб. «Группа Освобождение Труда», № 2, стр. 120).

² Р. П. Геринг — приятельница П. Л. Лаврова, проживавшая в Париже в 80-х годах, революционно настроенная, сочувственно относившаяся к политической эмиграции, часто приходившая ей на помощь в материальном отношении.

³ Роза — Розалия Марковна Боград-Плеханова, жена Г. В. Плеханова.

⁴ Манифест — «Коммунистический манифест». У Плеханова (Собр. соч., т. XXIV, стр. 178) читаем: «Лично о себе могу сказать, что чтение Коммунистического манифеста составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. «Конечно следовало бы перевести Манифест, — сказал он, — но вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь свое». Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести «Манифест».

⁵ Голдовский — псевдоним эмигранта Иохельсона; сын виленского меховщика, учился в раввинском училище в Вильно, участвовал в первом революционном кружке в Вильно вместе с Либерманом, А. И. Зунделевичем, братьями Ромм и др. Под угрозой ареста эмигрировал в Кенигсберг, потом жил в Швейцарии. Был народовольцем. Л. Дейч считает его автором письма Исполнительному комитету «Народной Воли» о том, что едущий в Россию Стефанович имеет намерение «взорвать Нар. Волю изнутри» (см. Сборник «Группа Освобождение Трудя», № 3, стр. 184—185, также 222—223). Впоследствии попал в административную ссылку в Колымск, был приглашен Д. Клеменцом к участию в экспедиции. Занялся этнографией, совершил несколько экспедиций. Война застала его в Гамбурге (ср. В. Иохельсон, Далекое прошлое.—«Былое», 1918 г., № 13, кн. VII).

⁶ В примыкающем сюда по содержанию письме Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову (в сб. «Дела и Дни», кн. 2, стр. 88—89). Г. В. Плеханов сообщает П. Л. Лаврову, что получил от Голдовского как свой экземпляр, так и экземпляр, высланный ему П. Л. Лавровым.

⁷ Третье немецкое издание «Капитала» вышло лишь в 1883 г.

⁸ В. В. — псевдоним В. П. Воронцова (1847—1918) — одного из теоретиков правого, легального народничества 80—90-х годов.

⁹ Павел — П. Б. Аксельрод.

¹⁰ Теофилия Поляк — приятельница семьи Плехановых, жившая вместе с ними; умерла от туберкулеза у них же в 1882 г.

¹¹ Гинзбург, Лев Савельевич (1851—1916), — ученик П. Л. Лаврова, принимавший деятельное участие в журнале и газете «Вперед». Очень популярный теоретик и пропагандист лавровских идей в революционных кругах 70-х годов. В Петербурге — глава лавристской организации.

¹² Плеханов имеет в виду «Опыт истории мысли нового времени», который выходил отдельными выпусками. Первое издание выходило с 1875 г., второе с 1878 г., Г. В. Плеханов написал рецензию на вып. 1—3 второго издания (собр. соч., т. IV, стр. 278—279).

3. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ

[1882, начало]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Прежде всего расскажу Вам невероятнейшую историю.

Здесь в Moutreux совершено было покушение на убийство одного немца. Покушалась на его жизнь одна русская барыня, которая не была — говорят газеты — даже знакома с ним. Сегодня я читал и в Journal de Genève и в Gazette de Lausanne, что „on pretend“ будто барыня эта приняла немца за Вас (la célèbre nihiliste Pierre Lawroff). On pretend также, что барыня-убийца, арестованная и сидящая теперь в Вевейской тюрьме, дает показания именно в этом смысле. Но за что она Вас хотела убить (!), в этом вопросе газеты расходятся между собою. Journal de Genève утверждает, что за Ваш нигилизм, Gaz de Lousanne уверяет наоборот, за то что Вы перестали быть нигилистом. Что это за чепуха такая? Врут ли газеты? Сумасшедшая ли эта барыня? Или, наконец, она из „Святой дружины“¹¹ и хотела явиться русской Шарлотой Кордэ, желавшей избавить мир от „кровожадного Лаврова“? Вы знаете, что наше отечество переживает теперь период, который наверное в нашей истории будет назван периодом невероятным. Поэтому и последний случай, т. е. что барыня „лигистка“ и хотела угодить Его Величеству, по-моему, не невозможен. Немец этот мог напоминать своим лицом Ваши карточки, имеющиеся у шпионов и т. д., чорт их знает! Во всяком случае считал нелишним написать Вам об этом. Если последуют в газетах дальнейшие сообщения, сейчас же

напишу. Теперь перехожу к текущим делам. Сер[гей] Мих[айлович]² прислал мне Вашу программу, так как, говорит он, меня „наверное выберут редактором“. Нечего и говорить, что я сочту за большую честь работать в одном журнале с Вами, но редактором его я не могу быть по многим причинам. Во-первых, я не „самобытник“ и не вижу в русской истории никаких существенных отличий от истории Запада. Тем менее вижу я в ней чего-либо диаметрально-противоположного с историей Запада. А между тем Народная Воля в каждой передовой статье силится доказать какую-то „Gewaltstheorie“³, по которой в России не политика родилась из экономики, а наоборот. Это стремление ее всю русскую историю „auf den Kopfzustellen“⁴ заставляет меня относиться к своему литературному сотрудничеству в изданиях народо-вольцев с большою осмотрительностью. Во-вторых, Сер[гей] Михайлов[ич] анархист, или вернее федералист, по его собственным словам. Я—не то, не—другое. Стоя на той дороге, на которую поставили события народо-вольцев, нельзя быть ни анархистом, ни федералистом, нужно быть строго последовательным централистом. Третье и самое важное. Народо-вольцы хотят государственного переворота, *coup d'état*, я хотел бы, чтобы они от таких невозможных планов совершенно отказались⁵. Знаете ли, Петр Лаврович, меня удивляет, что Вы не только не протестуете против этого, но, напротив, предпочитаете такой оборот программы—требованию политической свободы и всеобщего избирательного права. Тут что-нибудь да не так, какое-нибудь тут есть недоразумение. Объясните это пожалуйста, меня очень это интересует. Согласитесь, что это вопрос принципиальной важности. Что касается сотрудничества моего в органе, то я употреблю для этого все усилия. Вера Ивановна⁶ благодарит Вас за присылку списка книг. Она еще не сделала выбора. Когда остановится на чем-нибудь—напишу. Будьте здоровы,

жму руку Г. Плеханов

P. S. Посылаю Вам Вашу программу, в которой меня испугал переворот и письмо Сер[гея] Мих[айловича] к народо-вольцам, прочитавши Вы перешлите его Сергею обратно.

¹ «Святая дружина» — правильное «Священная дружина» — конспиративная аристократическая организация, созданная 12 марта 1881 г. в добровольческом порядке для борьбы с революционным движением. Организация поднимала между прочим вопрос о террористической борьбе с виднейшими деятелями революционного движения.

² Сергей Михайлович — Кравчинский, видный деятель революционного движения 70-х годов (1851—1895), известен в литературе под псевдонимом Степняк. Участвовал в создании бакунинской газеты «Община», в издании «Земли и Воли». Был избран Исполнительным комитетом «Народной Воли» одним из редакторов «Вестника Народной Воли», вместе с Г. В. Плехановым и П. Л. Лавровым, но затем был отстранен из-за своего отношения к федералисту Драгоманову.

³ Насильственную теорию.

⁴ Поставить на голову.

⁵ «Народо-вольцы хотят государственного переворота» — фраза, которая подтверждает получение деятелями группы «Освобождение Труда» соответствующего письма Исполнительного комитета «Народной Воли», полученного в феврале 1882 г. (см. Л. Дейч — «Пролетарская Революция» 1923 г., № 8, стр. 15—20).

⁶ Вера Ивановна — В. И. Засулич.

4. Г. В. ПЛЕХАНОВ—П. Л. ЛАВРОВУ

[Женева 14. IV. 1883]

Дорогой Петр Лаврович!

Вчера здесь случилась кровавая драма: между 9 и 10 часами застрелась С. Л. Бардина¹, рана, говорят, смертельная, хотя раненая еще

жива, страшно мучится, лежит теперь в госпитале; мы всю почти ночь пробегали за хирургами, но ни один не пошел: „до завтра“. Теперь иду опять к ней.

Г. Плеханов

На обороте: M-r Pierre Lawroff
328, Rue St.-Jacques, 328.
Paris

штемпель: Genève—14.4.83.

¹ Бардина, Софья Илларионовна (1853 — 1883) — пропагандистка-народница, участница процесса 50-ти. На суде произнесла речь, вызвавшую большой общественный резонанс. Была приговорена к 10 годам каторги, по смягчению приговора сослана на поселение в Сибирь, откуда в 1880 г. бежала.

5. Г. В. ПЛЕХАНОВ—И. В. БРИНШТЕЙНУ¹

[Женева 27—28 июня 1888]

Дорогой товарищ.

Я с удовольствием готов сделать все что можно для соглашения с П. Л. Лавровым относительно фонда², но Вы выражаетесь несколько неясно относительно того, что я должен написать ему. Поэтому мое письмо к нему так будет неопределенно. Напишите более подробные практические правила соглашения, и все дело будет улажено. Вы можете быть вполне уверены в том, что я и все мои товарищи считаем необходимым как можно более сблизиться с Вашими товарищами: такое теперь время. По получении этого письма, прошу Вас зайти к Аксельроду и изложить ему все дело. Столковавшись с Вами, он напишет Лаврову, ему это даже удобнее по некоторым причинам. О результатах Ваших переговоров с Аксельродом прошу Вас и его (я не пишу ему отдельно)³ сообщите мне. Заранее согласен на все то, на что согласитесь Вы. Крепко жму руку.

Преданный Ваш

Г. Плеханов⁴

¹ Под фамилией Бринштейна жил в Цюрихе в 1888—1889 гг. Исаак Владимирович Дембо (1865—1889), один из наиболее крупных представителей группы «новых народолюбцев». Умер от ран, полученных при взрыве бомбы во время неудачных опытов под Цюрихом.

² «Союз социалистического литературного фонда» образовался в 1887 г. в Цюрихе для изданий популярной социалистической литературы. В конце 1887—начале 1888 г. в «Союзе» возникли трения между тяготевшими к с.д. и чисто народолюбческим элементам. Группа, руководимая Бринштейном, хотела повидимому совместной работы обоих течений. Подробнее см. во вступительной статье.

³ Все же Плеханов написал Аксельроду о полученном от Бринштейна письме и о своем ему ответе и просил Аксельрода столкнуться с Бринштейном, а о результатах соглашения написал Лаврову (см. «Переписку Г. В. Плеханова с П. Б. Аксельрод», т. I, стр. 44, письмо № 10).

⁴ По поводу настоящего письма Плеханов писал В. И. Засулич: «Насчет письма моего в Цюрих Бринштейну скажу Вам вот что. Я написал это письмо в ответ на его просьбу как-нибудь уладить ссоры, вечно продолжающиеся в фонде, клянусь Вам Гегелем и Марксом, что в этом письме ничего не было кроме вежливых фраз, обязательных во всяком письме к незнакомому человеку. Что касается самого дела, то я сказал Бринштейну, чтобы он писал к Павлу [Аксельроду]: на чем Вы с ним согласились, на том и стану, писал я. И все-таки Павел увидел в моем письме нарушение «дисциплины» и порчу «дела». Я принужден был оправдываться и извиняться перед ним». См. сборник «Группа Освобождение Труда», № 3, М., 1925, стр. 230. Подчеркнуто Плехановым.